

**Виктор
Брюховецкий**

**ОСТРЫЙ
УГОЛ**

Виктор Васильевич Брюховецкий

Острый угол

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55322020

Острый угол: Книга новых стихотворений и рассказов. / Брюховецкий

В.В.: Знакъ; Санкт-Петербург; 2020

ISBN 978-5-91638-160-3

Аннотация

В новую книгу поэта вошли стихи и рассказы, написанные автором в разные годы. Произведения сюжетно и тематически не сгруппированы, а расположены за редким исключением в хронологическом порядке.

В авторской редакции.

Содержание

Стихотворения	14
«...и музыкою сфер, и сумеречной мглою...»	14
Звезды	16
«Я не верил, что так случается...»	17
«То ли был он, то ли не был...»	18
Рябина	19
Ива	20
«Ветром высосаны колки...»	24
«И случится такое: обойдя полземли...»	25
На ВДНХ	27
«За окном троллейбус ухал...»	30
Из юности	32
«Скучно мне среди друзей...»	33
«Я жил в краю степных озер...»	34
«Звезды в августе чище...»	35
Неосторожность	36
«Родиться. Осознать. Смеяться...»	37
Памятник	38
«Из уральской нашей стали...»	40
«Плачет осень за окном...»	41
«К нему пришел я со стихами...»	42
Песня	44
Зоя	45

«Привет вам, тихие и милые поля...»	46
Стихи, написанные осенним вечером	47
«Понимаете – какие чудеса!..»	50
Домики	51
Немое кино	53
«...Я сам спускаюсь в этот ад...»	55
Блоха и Лев	56
«Возьму такси: “Шофер, вези...”»	58
На постое	59
«Принимаю жизнь как есть...»	60
Зачем жениться Дон Жуану	61
«Как часто ты снишься красивой и юной...»	65
Юность	67
На хуторе	69
«Ах, жизнь моя, роскошная до боли...»	71
«Я видел мальчишкой...»	73
«Жизнь летит по спирали вдаль...»	74
«О собственной задумаюсь судьбе...»	75
Загадочный свет	77
«Гуляет низовой буран...»	80
«Имя – Анна...»	82
Звезда в Вифлееме	83
Декабрьская оттепель	84
Утром	86
На просеке	87
«Город выглажен как скатерть...»	88

«Облаков этажи...»	89
Цезарь	90
Май	91
Хлеб	92
«Войду к тебе из осени...»	93
«Не кричали. Не ругались...»	94
«Когда я чую за моей спиной...»	95
Поэзия труда	96
Муравейник	98
Из больничной тетради	100
«У этой женщины больные ноги...»	103
«И время распадется на куски...»	105
Черная Русь	106
«Живу и знаю: счастье рядом...»	107
К Музе	108
Размышления у картины неизвестного Художника	110
«Снег соткан из мороза и тумана...»	112
«Когда уже писать свое невмочь...»	114
Панюшовские талы	115
Вечер в Панюшовском Кругу	117
Чайка	118
Море	120
Переселенцы	121
«Я насторожен как капкан...»	123
«Играть в слова...»	124

Кошка	125
«Дача...»	126
«Дождь ударил в стекло...»	127
«Прочесть тревогу тайную в глазах...»	128
Семидесятые	129
«Белый гриб боровик...»	130
«Войти с мороза. Сесть к столу...»	131
«А у осени рыжая шаль...»	132
Желтое	133
«Если вдруг остудит осень...»	134
Волчица	135
«Родится звук...»	137
«Утром встану теплый сонный...»	138
«Ну и пусть...»	139
«Осень клены опалила...»	140
Токсово	141
Сон	142
«Остались утки на зиму в Неве...»	144
«Нет, нет, ты трижды не права!...»	145
«Писать стихи нужна не только смелость...»	146
«Толпа колышется, как море...»	148
Бытовое	149
«Я каждого, любя как брата...»	151
«Не хочу я тебя разгадывать...»	153
«...У конуры, вдыхая атмосферу...»	154
Семейный документ	156

«Напишите письмо...»	158
«Подворотни и арки...»	159
На разъезде	160
«Растворяюсь всё больше в житейских заботах...»	161
«...Рюкзак и бродни...»	162
«Нет, ты воротишься ко мне...»	163
«Свет фонаря смешался с январем...»	164
Из детства	165
Ладога зимняя	167
«Водопад... Парабола... Дуга...»	168
«Погладить березу по тоненькой талии...»	169
Шушары	170
«Решиться. Тощий скарб упаковать...»	171
«И проснулся осколок в еловом стволе...»	172
«Вечер...»	173
Юшкозеро	174
Тополь	175
Даже в милом краю	177
В память о деревне Лукино	179
Память	181
«Иуда подошел к осине...»	182
«Но ты меня не поняла...»	183
«Эта белая ночь, фонари и листва...»	185
«Ветры к югу подуют, переломится лето...»	186
«Январь, а дождь всю ночь терзает слух...»	188

«Веселый проселок – ухабы и кочки...»	189
«Век живу и век пытаю...»	191
«Я, конечно, восстану из пепла...»	192
«Я смотрю в твои окна. В них темно и тревожно...»	194
«Ты мое сухое дерево...»	195
«Что-то сны нехорошие...»	196
Из детства	197
«Люблю мятежный гул январской выюги...»	198
«Очень верю, что получится...»	200
«Мне сорок два. Как скверно я живу...»	201
«Вся страна, обезумев, читает...»	203
«Прилетела синица...»	204
Вятский Икар	205
«Я этапом не шел сквозь мороз и пургу...»	206
«Мы битый час не можем столкнуться...»	208
«Солнце в окна, зуд по коже!...»	209
«Нам сказали, что он нехороший...»	210
Казарма	212
«Каждый выберет сам дорогу...»	214
«Проверка: кто за перестройку?...»	216
«В твоей душе живет полкан...»	217
«Это – как в пропасть!...»	219
Ленинград – Ташкент – Кабул	220
В метро	222
«Есть связь в словах – “иуда” и “идея”...»	224

«Как мне дороги эти ночные часы...»	225
«Средь распада и лжи...»	226
«И жить, всё это не любя...»	227
«Звезды падают в реку и гаснут в реке...»	228
«Пропела труба и роса засверкала!...»	229
Молитва	230
«Не смотри, что я малого роста...»	231
«То ли воздух дурманит лесной...»	233
«И нежность рук, что нет дорожке...»	234
Ермак	235
Бесево	237
«Мы во сне откровенны как малые дети...»	239
«Мне казалось, что если окончатся сны...»	241
«Говорил мне дядя Вася...»	243
Диалог	244
Стансы	245
«...И теснота, и дымный воздух...»	247
«Я на жизнь гляжу – дивен белый свет...»	249
«...И усы у осы, и клешня у жука...»	251
«Горжусь, что живу в этом городе красном...»	252
«Сторона ль моя, сторона...»	254
«Судьба, кого благодарить...»	256
«Луна всё сильнее по ночам колобродит...»	257
«Так медленно рождался снег...»	258
«Ах ты, серая мышка...»	259
Ночлег	260

«Подходит конец сумасшедшей стези...»	261
«Тот – про любовь...»	262
«Шелковичный червяк, запечатанный в кокон...»	263
«Ощущая, что детство уходит навек...»	265
«Шелка шуршат ненужною обузой...»	267
«Нас разведут, как разводят мосты...»	268
«Тайным тленьем охваченный...»	269
У Понта Аксинского	270
На Литейном мосту	271
«Тронул звук, не подумав...»	272
«Рассвет – и петухи охрипли...»	273
«Когда-нибудь вернусь. Все возвращаются...»	274
«Удивительно как грустно...»	275
Сосна	276
«Когда согнется полновесный колос...»	277
«Не голубокров, не родовит...»	278
«Трудно рос, трудно жил, не красив, не богат...»	279
К стихам	280
«Мне говорят, что я поэт...»	281
«Каждый вечер за полчаса...»	282
К Психее	284
«Шумы, затихнув...»	285
Весна	286
Адюльтер	288

«Разрежу яблоко и спелое зерно...»	289
«В деревне всё светлее: стекла, лица...»	290
«Повторяется всё, только надо проснуться...»	291
Облака	292
«Ветер с севера, тучи – с запада...»	294
«Государство меня обмануло. Надрало...»	296
С нежностью	297
Финский залив	300
На Дворцовой площади	301
Ворона	302
«О чем, прозаик, ты хлопчешь?...»	303
«Разрезанное надвое стеклом...»	304
Осень кончается вылетом моли...»	305
Конец ознакомительного фрагмента.	306

Виктор Брюховецкий

Острый угол: Книга новых стихотворений и рассказов

Ладога, Леднево. Декабрь 2008 года.

© Брюховецкий В., стихи и рассказы, 2020

© «Знакъ», макет, 2020

Стихотворения

«...и музыкою сфер, и сумеречной мглою...»

...и музыкою сфер, и сумеречной мглою,
И суслицьей норой с капканом и флажком,
И космосом с его космической золою,
И снежную крупой, и пенным свежаком...

Я думал – это быт, а оказалось – небо,
Я думал – это прах, а оказалось – быт,
Я думал, что я был, а оказалось, не был,
И, значит, я не жил, и, значит, не убит.

Но я еще приду и этот мир открою,
С его большой рудой, с гаданием сорок,
С задумчивостью рек, с его землей сырою,
С колодцем у скрещения дорог.

И кто б ни говорил, ни тыкал воздух пальцем,
Ни теребил пеньку для будущей петли,
А я уже иду неузнанным скитальцем
По огненному ободу земли.

Звезды

В небе России звезды...
На башнях кремлевских звезды...
На обелисках звезды...
Слежу ли ночью за зарницами,

Смиряю ль у Кремля свой шаг,
Иль затихаю над страницами
Былых сражений и атак —
Всё верю:

Будут страны созданы
Подобные отчизне, но
Такую же с такими звездами
Нам повторить не суждено.

«Я не верил, что так случается...»

Я не верил, что так случается,
Думал – горе не для меня.
А теперь оно рядом качается
Посреди голубого дня.

Подошло и как водится издавна,
Как от прадедов повелось,
Посмотрело в глаза мои пристально
И моею бедой назвалось.

Коль моя беда – это счастье твое,
Как бы ни было жаль потерь,
Я приму ее, я приму ее,
Пусть проходит, не заперта дверь.

«То ли был он, то ли не был...»

То ли был он, то ли не был,
Иль приснился мне с годами
Этот край с огромным небом
И высокими хлебами.

Там от рос немеют ноги,
Там средь зорь июльских полных
Из овсов к большой дороге
Не спеша бредет подсолнух.

В том краю под вечер летний
На конях мне не кататься,
И мальчишкой семилетним
Не водить коней купаться.

Только помнить вечер ясный,
Берега с густой осокой,
И коней огромных красных
Над осокою высокой...

Рябина

Ветром ей обломило запястья,
Боль такая – не выплакать слез.
Закачала кудрями несчастная,
Кровью ягод обрызгав откос.

Не с того ли по небу, что хмурится,
Разгоняя дожди сентября,
К ней спешит по распахнутой улице
И под ноги ложится заря.

Ива

1.

Рожь не убрана, рожь не скошена,
Белым инеем припорошена...
В августовский день, когда синь кругом,
Выходила мать провожать его.
Говорила мать: «В свой родимый дом
Поскорей вернись на коне гнедом,
Я молить Христа буду каждый час,
Чтоб тебя в бою он от смерти спас...»
На заре-зарю, в августовский день,
Под конем гнедым затрещал плетень.
Зычно гикнул сын, только пыль пошла,
От родного вдаль полетел села.
У дороги мать грустной ивою
Крестит путь рукой торопливою.

2.

День проходит, два. Месяц колется.

У иконы мать богу молится,
Но молитва та, что молилась мать,
До Христа тогда не дошла, видать.
Слишком много их было в этот год.
От речей хмельных забродил народ,
Кувыркались дни, дни суровые,
Кто за старое, кто за новое.
И в один из дней с белой заметью
Распрощался сын с прошлой памятью.

3.

Налетел казак с клинком на всём скаку —
Словно маки распустились на снегу,
И январский стылый ветер снеговой
С них развеял лепестки по мостовой.

Не дошла, видать, молитва, не дошла,
Заплутала у родимого села,
И до вечера в глумливую пургу
Сыто каркали вороны на снегу.

4.

Плачет ветер на юру,
Стонет ворон на ветру,
И завьюженным крылом
Бьется к матери в окно:
«Ты не жди его зимою,
Ты не жди
Ни весною
И ни в летние дожди,
Не вернется он ни сеять, ни пахать,
Не присядет он от поля отдыхать
На крыльцо, когда струится звездный свет,
Ничего ему теперь дороже нет,
Чем пуховая холодная постель,
Да январская гулливая метель».

«Ах ты, ворон-сыч,
Ах ты, божья тварь!
За свое опять,
Как и прежде, встарь!
Я не верю, нет,
Он вернется в дом
С саблей вострою
На коне гнедом!»

«Не вернется в этот дом он никогда.
Его кости смоем талая вода.
Ни с закатом не придет, ни на заре,
И ни в этом, ни в другом календаре!...»

5.

То ли светит день, то ль стоит темно,
Мать глядит, глядит за село в окно;
На закате дня, по росе – в рассвет —
За село ведет материнский след...

И годам лететь,
И ветрам плясать,
У дороги мать
Будет сына ждать,

Озаряя даль
Прядью сивою,
Вербой-ивою
Сиротливою.

«Ветром высосаны колки...»

Ветром высосаны колки,
Дождь зарылся в зеленыя.
На обочинах проселка
Пухнет черная квашня.

Под заброшенную хатой
Зябнет стая голубей.
У коня в хвосте кудлатом
Зреет высохший репей.

Вдоль притихшего болота
Мокнут в дреме камыши,
И вокруг – до горизонта —
Хоть в бинокль! – ни души.

Лишь порою над лугами
На неубранную рожь
Тянут утки табунами...
И не хочешь, да заснешь.

«И случится такое: обойдя полземли...»

И случится такое: обойдя полземли,
С подорожной сумою я, усталый, в пыли,
Навидавшийся лиха за тяжелый свой путь,
К дому отчему тихо загляну на чуть-чуть.
Я приду на рассвете, когда сны на краю,
Чтоб не видели дети неудачу мою.
...Те же ставни резные, те же двери в сенях...
Но чужие, чужие встретят люди меня.
«Ты откуда, прохожий, в нашем древнем роду
Не случилось похожих на такую беду,
Всё у нас – слава Богу, всё у нас ко двору.
Вот – испей на дорогу, и ступай подобру.
Уходи поскорее. Будь здоров и прощай,
Нам котомкой своею детвору не смущай».
И протянут искристой, в деревянном ковше,
Той колодезной, чистой, что пивал я уже.
Спросят: «Сладко ли пьется?.. Как водица на вкус?..»
А вода из колодца, где калиновый куст,
Что в углу, в огороде, у сухого плетня!
Стану пить я и, вроде, – кто-то помнит меня,
Кто-то знает, что жил я,
Верит, что я живой,
Что вовек не дружил я с нехорошей молвой,

Что, скитаясь за далью, милой родины вне,
Жил измучен печалью по родной стороне.

На ВДНХ

1. Ракета на площади промышленности
Такое впечатление, что она заправлена,
Стоит и ожидает Юру Гагарина,
Что вот подойдет он в той, памятной, одежде
И нам улыбнется открыто, как прежде,
Рукою помашет, в плечах не узкий,
И скажет: – Поехали!
Запросто, по-русски.
Покажется ракета вехою вселенской,
А мы еще не знаем, что Юра-то смоленский,
Но пламя ударит в бетон, оранжевое,
И станет тревожно на сердце у каждого
За эту ракету, проглоченную синью,
За нашего парня, за нашу Россию!

2. В павильоне крупного рогатого скота
Вхожу за порог, и пахнет, ей-ей,
Тихой деревенской родиной моей...
Корова – не корова (знаток уж, вроде, я),
В глазах огромная тоска по родине.
Рядом дедуля в платочек сморкается:
– Ишь, родимая, как старается;
Вымя-то, вымя, глянь, как разбухло,
Наверное, кормят не клевером – булкой,

А были б луга, да солнце в поле,
Она б молока давала поболее.
Такую б коровку в деревню, во двор мне,
Внучатки бы, точно, росли проворнее...
Рядом переросток, каких много ныне,
В штанах-обносках, в бороде, как в тине,
На прясла свесился: – Корова-то немецкая...
Дедуля аж взвизгнул: – Нет, советская!
Всё здесь расейское, всё здесь наше,
И корова зовется – читай! – Клаша...

3. Девушка

На лбу крапина, губы сочные,
В глазах спрятана нега восточная.
Такую красоту редко видим мы;
Индия...
Подхожу: – Здравствуйте!
Предлагаю: – Властвуйте!
Поведу по выставке, коль вы согласны,
Расскажу о родине моей, прекрасной.
По-индийски отвечает, по-русски хохочет,
Всё ясно:
Не хочет!
Спрашиваю: – Как пончики?
Говорит: – Нравятся.
– ВДНХ?
– Нравится!
– Жизнь?

– Нравится!
Совсем красавица!

4. В павильоне «КОСМОС»

Здесь вся история, все пути решений —
От первых попыток до последних свершений.
Стоят расчехленные, в металле, творения,
Как мысли обнаженные человеческого гения...
Группа за группой идут экскурсанты —
Живые потомки той самой... Антанты!
Трогают руками, цокают языками,
Аппаратами щелкают, качают челками
И переговариваются. Очень тихо...
То-то же!

1975 г. Ж-л «Н. Современник» № 2 за 1977 г.

«За окном троллейбус ухал...»

За окном троллейбус ухал.
Был редактор сед и хил.
Он стихи мои понюхал,
А потом... на зуб... решил!
Прикусил и покривился,
И сказал:
«У вас стихи
С горьким привкусом ольхи...»

Я не умер, я не запил,
Я подумал: Боже мой,
Как же так, ведь я их стряпал
Из своей муки ржаной!
Сам запаривал болтушку,
Сам ольховой колотушкой...
Стоп!
Так вот ольха откуда!
Ну и нюх,
Не нюх, а чудо!

С той поры в бадью с мукой
Лезу собственной рукой...

Сам болтаю, сам взбиваю,
Сам порой не понимаю:

Как, откуда всё взялось,
Ладно почему склалось.

Из юности

Свинцом в полете скомканная птица
Еще жива. Шуршит сухой тростник...
И умер я. И я опять возник.

Не человек. Чудовище. Убийца...

Туда смотрю, где раненая птица
Себя поднять пытается крылом...

Лучи зари глаза мои слепили,
И голосил кулик: «У-би...у-би-ли!..»
И граяли вороны над селом.

«Скучно мне среди друзей...»

Скучно мне среди друзей.
Я боюсь своей свободы.
С каждым годом мне милей
Ночи с дикой непогодой.

Стану ночью у окна.
Рядом станет тишина.
Тихо будет и темно,
Будет дождь стучать в окно.

С подоконника – ручей.
По стеклу воды движенье.
Дождь ничей. И я ничей.
Но спасительно вращенье

Этой крохотной земли,
От восхода до заката
Вечно мчащейся куда-то
В клубах света и пыли...

«Я жил в краю степных озер...»

Я жил в краю степных озер,
Пахал, водил коней в ночное...
Я щедр. Скажи – я сердце вскрою
И положу на твой костер.
И, вспыхнув песней недопетой,
Восстану птицей из огня...
Твой теплый смех,
Твой взгляд согретый
Наградой будут для меня.

«Звезды в августе чище...»

Звезды в августе чище.
Небо в августе шире.
В этом тихом жилище,
В самодельной квартире
Оставайся со мною,
Дорогая Анюта.

Как хочу я покоя,
Как хочу я уюта...

Здесь под осень, как только
Станет грустной дорога,
Каждый вечер под окна
Подступает тревога.

Здесь табунные травы,
Здесь увидишь воочью
Как бесшумно в дубравы
Звезды падают ночью,

Как потом наступает
Незаметное утро.
Мне тебя не хватает,
Анна-Аня-Анюта...

Неосторожность

Человек придумал порох.
Посреди ущелий голых
Он в камнях свинец нашел,
Тем свинцом запыжил ствол.
Думал – это просто так!
И прицелился чужак
В небо, в солнышко, в упор...
И страдает до сих пор.

«Родиться. Осознать. Смеяться...»

Х.

Родиться. Осознать. Смеяться.
И всех, и вся вокруг любить.
Родных покинуть, потеряться,
Возникнуть вновь и поделить
Весь мир на доброе и злое —
В одних глазах увидеть свет,
В других почувствовать такое,
Чего ты раньше думал – нет.
С пороком повести сраженье,
Всю боль свою отдать перу
И в час хулы и униженья
Остаться преданным добру.
Творить свое святое дело,
Подняться на незримый трон,
И в горький час в свое же тело
С картечью разрядить патрон...
И – неподвластным временам! —
С портретов улыбаться нам.

Памятник

Облитые медью притихшие клены.
Прохлада осенняя чистит кусты.
В гранитной палатке с лицом опаленным
Солдат сапогом приминает цветы.

Откуда он родом?
Быть может, с Урала,
А может быть житель Алтайских степей?..
Как жил ты, солдат?
Как однажды не стало
Тебя, и в какой из бесчисленных дней?

Молчит солдат. Молчит гранит.
Не скажет – как, в какие дни
Его отметила беда.
Не скажет мне.
И никому. И ни за что. И никогда!

...Хрустит огонь. Пылает даль...
Солдат. Поваленный плетень.
С холма к селенью – вражья сталь —
В крестах паучьих набекрень.
Протяжный вой и свист вразброс!
Лежит солдат, к земле прирос.
Земля за гарью не видна...

И жизнь одна, и смерть одна!
Он мнет ладонью ковыли,
Он дышит запахом земли,
Своей земли.
В последний раз...

– Не бойся! – Сердце бьет приказ.
– Иди вперед, назад ни шагу...

И он пошел в неравный бой,
Прикрыт медалью «За отвагу»
И красной маленькой звездой...

Он шел, как вешний лед на запань,
И видел он иную новь.
И рухнул – головой на запад! —
Примяв соломенную бровь.

...Ты рухнул в пыль, а встал – на камень!
Ты б жил сто лет, теперь – века!

.....

Кладу цветы, а сам руками
Его касаюсь сапога.

«Из уральской нашей стали...»

Из уральской нашей стали,
Мир доставивший земле,
Танк стоит на пьедестале...
Танк!.. с гвоздиками в стволе...

Свесились гвоздики-ранки,
Зелень шеек обнажив.
Кто их памятнику-танку
В ствол так смело положил?

Чья – за труд – ему награда?
И, с цветами, предо мной
Величавая громада
Обретает смысл иной.

Символ жизни обретает!
И средь солнечного дня
Танк гвоздиками стреляет
В изумленного меня.

«Плачет осень за окном...»

Плачет осень за окном.
Серо и дождливо.
Ветер машет рукавом
Над дорогой сивой.

Сыплет дождик о стекло —
Молоком в подойник.
Утомленное село,
Как в гробу покойник.

Клен согнулся за углом
Мокрый одинокий,
Бьет черемуху хлыстом
Тополь кособокий.

Чахнет серый оком
Под погодой зябкой...
Осень плачет за окном
Поминальной бабкой.

«К нему пришел я со стихами...»

В.К.

К нему пришел я со стихами.
Он прочитал их, а потом
Наотмашь бил меня словами,
Как телку выгонщик кнутом,
Как конюх жеребца-трехлетку
За то, что не признал удил...

Он сам уже в узде ходил,
Тавра носил лихую метку,
И вот теперь меня гвоздил,
Видать, за то клеймо в отместку.

Избил и начал вдруг хвалить:
Мол, мысль берешь,
Видна, мол, хватка...

Боялся, что ль, пересолить!
Так уж соли, коль вырвал с грядки!
Соли!
Подумаешь, беда...
Пока он бил меня я понял,
Что мне готовится узда.

Учитель!

Ты обязан помнить,

Ты должен знать, ведь не слепец:

Коль диким вырос жеребец —

На нем хомут не засупонить.

Напрасный труд.

Оставь коня.

Считай, что не было меня.

Песня

/подражание/

Ночь такая светлая, ночь такая белая,
Соловей буянит в зарослях ольхи.
Что же ты, любимая, что же ты наделала?
Отчего рождаются грустные стихи?

В сарафане вышитом, в ситцевой косыночке,
На гулянье вечером станешь в стороне,
И твоя дороженька, росная тропиночка
В поле за околицей ляжет не ко мне.

Ляжет лентой узенькой, тоненькою прошвою,
К соловью-разбойнику, к зарослям ольхи...
Я ведь не люблю тебя...
Это всё нарочно я.
Ночь уж очень светлая... Грустные стихи...

Зоя

Петля веревки – серая змея!

– Не трожь ее, фашист, она моя....

Смотрел народ.

Приплясывал конвой.

Фельдфебель дым пускал, храня беспечность,

А девушка сама, своей рукой

Петлю надела и шагнула в вечность.

«Привет вам, тихие и милые поля...»

Привет вам, тихие и милые поля.
Привет тебе, журавль одноногий,
И вам привет, стоящим у дороги,
Высокие седые тополя.

Я снова дома.
После долгих лет
Моих скитаний по дворцам-чертогам,
По ожиданьям, радостям, тревогам
Меня привел сюда бродячий след.

Всё так же, как и много лет назад,
Оборотясь кривым оконцем к саду,
Подставив солнцу крашеный фасад,
Глядит наш дом на старую ограду.

Всё тот же, в восемь соток, огород,
И тот же двор, и ряд акаций сонных...
И батя, как сентябрьский подсолнух,
Меня встречает около ворот.

Стихи, написанные осенним вечером

Поникли георгины у оград.
Сад обронил на землю оперенье.
Родится день и тут же за деревней
Погаснет, будто сам себе не рад.
И снова дождь.
И снова темнота.
В печи гудит отчаянно осина,
Мерцают блики и видна картина
Иконная – «Распятие Христа».
В нее всмотрюсь в который раз уже,
В мужей, стоящих в пышном седовласьи,
И мир предстанет в новой ипостаси,
Сместятся оси как на вираже.

Какой-то мастер сотни лет назад
В седой глуши, фантазией согретый,
Полуголодный, и полураздетый,
Над нею не щадил свои глаза.
Чах над тяжелой струганой доской,
Ел от болезни ягоду-калину,
И осторожно наполнял картину
Почти нечеловеческой тоской...

Трещат дрова. Дождь сыплет в темноте.
От печки на стене мерцают блики...

Идея малая становится великой,
Когда ее разложат на кресте.

Идет гроза. Массивный крест тяжел.
Граненый гвоздь остер и полновесен...
Мир был тогда уже настолько тесен,
Что на Голгофу человек взошел!
Сверкают стрелы на небе пустом.

Играет ветер жиденькой бородкой.
Христос еще живой, с молитвой кроткой,
Еще земной, но... в нимбе золотом...

И мастера искусная рука
Показывает пышный двор Пилата,
Учеников смиренье, как когда-то
С тремя другими порешил Лука.
Он понял их: и мудрого Луку,
И Марка с Иоанном, и Матфея...

Беда не в том, что казнена идея,
Доступная свободно мужику,
А в том беда, что предана она...

И мастер осторожно, понемногу,
Работал кистью тайную тревогу,
Которая, присмотришься, видна.

Мне не известен ход судьбы моей.

Я верю в человека, словно в чудо,
Но знаю: где-то есть и мой иуда,
И для меня рожденный фарисей.
Свершится час и станет жизнь горька.
Но я его узнаю, лицедея, —
Он может быть в одежде фарисея,
И может быть в плаще ученика.

«Понимаете – какие чудеса!..»

Понимаете – какие чудеса!

С человеком говорит человек,
Человек другому смотрит в глаза,
Словно он его не видел весь век!

Говорит слова, как будто поет,
Словно за руку по тропке ведет,
Словно манит за собою собой
В ту долину, где рассвет голубой,
Где не травы под ногами – шелка,
Где зеленая клубится река,
Где желания полны остроты,
Где доверием пропахли цветы!

Понимаете, какие чудеса!
Время, словно растворилось в словах...

Домики

Густеет сумрак за окном,
Сгорел закат, умолкли птицы.
Мой сын за письменным столом
Карандашом рисует дом
Огромный красный – в две страницы.

Здесь будут окна, здесь – труба,
Вот это двери, вот – крылечко,
Чуть косовато, не беда,
А вот ведро и в нем вода,
И клен, и тополь, словно свечка!

Всё! Дом готов! Пора входить.
Довольный сын глядит счастливо...
«Сынок, а можно мне спросить:
Кто в этом доме будет жить,
В таком огромном и красивом?»

«Здесь будут семеро козлят, —
Остановился ненадолго, —
Зайчата, трое поросят,
Здесь будет Гномик – друг ребят...»
«А где поселим злого волка?»

«А волку... выстроим вот здесь!»

И, карандаш сменив проворно,
Мой сын рисует черный лес
Сплошной лентой до небес,
И в том лесу домишко черный...

Ах, как легко – карандашом! —
И в то же время очень властно
Дитя за письменным столом
Всё злое гонит в черный дом
И доброе вселяет в красный.

Немое кино

На экране кино немое
С тихим снегом,
С бесшумными ливнями...
Белобрысый, с большой головою,
И глазами, как небо, синими
Мальчуган на скамейке в зале.
За спиной трещит аппарат...
На экране телеги с возами.
Бьются кони. Лавина солдат.
Губы в крике, растрепаны волосы!
Шла атака среди тишины,
Рвались мины, но не было голоса
У бегущих солдат, у войны.

Ах, зачем же кино немое!
Если б слышать – солдат кричит,
Если б слышать, как пуля воеет...
Но экран всё молчит и молчит.
Лишь дороги тяжелые длинные,
Да повозок крутые горбы,
Да солдаты под тихими ливнями
В землю падают словно снопы.

Годы шли и мечта позабылась.
Ах, какая обида...

Смешно.

Но однажды с рассветом забилось,
Закричало немое кино!
Закричало неслыханно громко,
Разметало солдатские сны!..

С первым выстрелом вражьей винтовки,
Стиснув пальцы на горле войны,
Зашагал паренек по России,
По ухабам военной тропы
И смотрел, как медсестры носили
В медсанбаты живые снопы.
Шел дорогой нелегкой и долгой,
Мерз в снегах, задыхался в пыли,
И, огнем опаленный на Волге,
Развернувшись пошел на Берлин.
И – дошел!
Дети помнят и внуки
Как средь майской ночной тишины
Отнял воин уставшие руки
С посиневшего горла войны...

«...Я сам спускаюсь в ЭТОТ ад...»

...Я сам спускаюсь в этот ад,
Где нет ни славы, ни наград,
Где труд, как кара за грехи,
Мной совершенные когда-то,
А неудачи, как расплата,
За все грядущие стихи...

Блоха и Лев

/басня/

Блоха пожаловалась Льву:

- Ты знаешь, Лев, как худо я живу!
 - А чем, скажи мне, жизнь твоя плоха?
- Ведь ты ж... блоха...

Так ей ответил Лев.

И Блошенька, на лапочки присев,
Поглубже хоботок припрятав свой,
Поведала ему:

- И-и, милый мой!
- Согласна, что блоха, и в этом спору нет.
Но я мала! Мне страшен белый свет.
Порою неуютен мой ночлег.
Такие холода! А если – снег?..
А что я ем!
Кругом одна трава...
И, помолчав, добавила слова:
– К тому же я вдова...

И сердце сжалилось у Льва.
Он постоял, подумал в тишине
И тихо ей сказал:

– Ступай ко мне...

И вот в задремке Льва, там, где густы меха,
Устроилась на жительство Блоха.

Случилось это в полночь, а к утру

Она была сыта, как на пиру.

Порозовела!

А бедняга Лев,

От наглости блошиной озверев,

Метался по оврагам и кустам,

Она ж его кусала тут и там.

Она была бедна. Она была вдова.

Она спокойно кровь пила из Льва...

Коль встретите блоху,

Коль очень торопливы

И склонны вы к поспешному добру,

То в полночь ей подставьте свой задремок

И всё узнаете к утру.

«Возьму такси: “Шофер, вези... ”»

Возьму такси: «Шофер, вези...»

«Куда?»

«Гони куда попало...»

Любовь была и вот пропала,

С орбиты съехала, с оси.

Включи железного коня.

Педаль используя как шпору,

Мигни ответно светофору

И в дальний лес умчи меня.

Там ели стройны и легки,

Там шебаршат лесные сказки,

Там куст прибрежный без опаски

Глядится в зеркало реки...

Гони такси, шофер, гони...

Не спрашивай о том, что было,

Какая разметала сила

Наполненные счастьем дни...

На постое

Берега высокие качают тишину,
Я ее потрогаю, а потом сомну.

Жахну из двустволки
В небо,
В никуда!
Спросят люди: – Волки?
Я отвечу:
– Да!

Вышли, мол, коленные, выли в небеса,
Щуря раскаленные желтые глаза...
И хозяйка Клава в страхе от зверей
К ночи волкодава привяжет у дверей:
– Пусть стережет и не спит до утра...

Плечи у Клавы белей серебра!

«Принимаю жизнь как есть...»

Принимаю жизнь как есть.
Берег. Лес. Поля. Лощины.
Снега хруст, шуршанье шины,
Сквер, скамейка, совесть, честь...
Утро. Город. Люди... люди...
Льстят, обманывают, любят,
Ненавидят, предают...
Дом. Окно. Чужой уют.
Там кипят такие страсти!
Там собака дикой масти...
И среди этой суеты,
Знаю, где-то ходишь ты.
На лице твоём досада,
На душе твоей беда.
Но ведь это тоже надо!
Не всегда, но иногда.
Чтобы встреча,
Чтоб разлука,
Чтоб сказать себе – держись!..
А иначе что за штука
Эта жизнь.

Зачем жениться Дон Жуану /пародия/

*Я сам
И пассажир,
И машинист,
Сам для себя даю гудки и свист...*

«Женитьба Дон Жуана», В. Федоров

Я мучился загадкой одной,
Я был в тоске и Муза надо мной
Напрасно колдовала очень рьяно,
Я глух был и красавица моя,
Щадя меня, в испанские края
Свалила и приперла Дан Жуана.
На мой вопрос: «Зачем?..»
Она в ответ
Сказала, что у Бога мертвых нет.

«При чем тут Бог, и есть ли в мире Бог?»
А Муза – мне: «Ну, как ты, Вася, мог
Спросить такое и в твои ли годы
Подобные вопросы задавать?
Бог – это ты! Да, ты!
Ни дать, ни взять

С твоим могучим даром от природы!..
Не спорь со мной, бери скорей скелет
И наряжай в одежды наших лет».

О, Муза своенравная моя!
Что с бабою могу поделать я?
Беру перо и скоро подопечный,
От праха отряхнув скелетик свой,
Легко качнул плешивой головой,
Обрел шмотье и облик человечесий.
Прикрыв рукой зияющий оскал,
Он хмыкнул и по строчкам зашагал.

Но прежде, чем войти в поэму, он
Довесок отсекает, то есть, «дон»,
Как будто при обряде обрезанья.
Мне завидно, и собственную плоть
Я зажимаю с трепетом в щепоть
(Простите мне нескромное признание)
Хочу обрезать тоже, но поверьте,
При чувстве плоти нож страшнее смерти!

Теперь Жуан, забудем слово «дон»,
По замыслу быть должен оженен.
Вопрос – на ком?..
Не подойдет ли Ада?
Но, кабальеро, пробуй сам на вкус,
Сам окунай в вино роскошный ус!..
И кабальеро говорит: «Не надо...»

«Что ж нужно?»

«Что?.. Красавица нужна,
Такая как Наташа Кузьмина!»

«Не понял. Что? Наташа?..

Ах, Наташа...»

Перо, Жуан, мое, Наташа – ваша.
Спеши на свадьбу, усладдай свой взор...
И при моей фантазии богатой
Жуан, увы, становится рогатым,
Как некогда угрюмый командор.
И жалко мне беднягу... Между прочим,
Читатель, помни – я Жуану отчим.

.....

А далее блистательный повеса
(От обрезанья легче став по весу)
Попал в тайгу на раскорчевку леса.
Мольер и Байрон,
Даже Пушкин ас,
Пусть кабальеро видели живого,
И то б не догадались до такого.
А я вот догадался. Я горазд!
Хоть эту роль и всей поэмы тон
Спокойно б вынес мой сосед Антон.

А вскорости – о, странные дела! —
Распутная бабенка умерла.

Жуан один, Жуан уже вне темы,
И я средь архаической пыли,
Ничуть не отрываясь от земли,
Как загнанный бреду к концу поэмы.
Нет ни велосипеда, ни коня
И Муза убежала от меня.

.....

«Большой урок, не подчиняясь срокам,
Для всех времен становится уроком...»
Своей поэмы замыкая круг,
Я приоткрою тайное желанье —
(О, собственного пупа созерцанье!) —
Когда бы мне сказал однажды друг:
«Прочти «Зачем жениться Дон Жуану»...»

Глядишь и я с Мольером рядом стану!

«Как часто ты снишься красивой и юной...»

Галине Б-ной

Как часто ты снишься красивой и юной,
И наша тропинка пряма как шоссе,
И пахнет ольхой соловьиной и лунной,
И падают звезды и гибнут в росе.

Огромная жизнь. Расстоянья и годы.
Умолкли твои и мои соловьи.
В какой стороне, и какую погодой
Укутаны милые плечи твои.

Мы все забываем, мы всё забываем...
Но эта ольха на обрыве крутом!
О, как мы жестоки в шестнадцать бываем,
И как мы жалеем об этом потом.

Я знаю: напрасно тревожить бывшее.
Я знаю: напрасно болеть о бывшем
И мне не обрызгать водою живую
То звездное небо над нашим селом.

Ушло оно, сгинуло, не повторится.

Но память упрямо уводит туда,
Где ты молчаливо подраненной птицей
Ушла от меня сквозь туман и года...

Слова о любви... Это, в общем, не ново.
Я знаю, что твой не отыщется след.
Откликнись хоть строчкой, единственным словом,
Я даже молчанье приму как ответ.

Но снись, как и прежде, – в ночах над рекою.
Чтоб ветер хлебами шуршал в полосе,
А ты – чтобы в ситце, чтоб пахло ольхою,
Чтоб падали звезды и гасли в росе.

Юность

Я еще таким веселым не был!
Добрая прекрасная страна!
Надо мною голубое небо,
А под небом юная весна!

Петухи! Застолье, да и только!
Воробьи!
Сплошная кутерьма!
И, поверь, не хочется нисколько
Вспоминать, как мучилась зима.

Выйду в поле к радости готовый,
Верен жизни, только ей одной!
На четыре кованный подковы,
Аргамак замрет передо мной!

Я проверю – ладна ли подпруга,
Брошу в стремя легкою ногой,
И качнется весело округа,
И пригнутся вербы над рекой!

Развернется даль как на ладони,
Залитая солнцем и весной...
За спиною никакой погони,
Никакой преграды предо мной!

На хуторе

Подгнивший дом. Порухенный забор.
Сад одичал, зарос тугой травой.
Петух с роскошной рыжей головой —
Единственный на весь огромный двор.

Есть и такое, видно, на земле.
О русский вид, убогий и печальный.
На три окна один кусочек ставни
На ржавой покосившейся петле.

Случайный гость,
Вхожу я за порог:
Под темными седыми образами
Сидит старушка с тусклыми глазами,
Повязана платком. На узелок.

«Мир дому этому...» – Я замер и стою.
В ответ ни звука. Может, неживая?
Но, тело легкое от лавки отнимая,
Она проходит в сторону мою.

«Ты мне кричи... Не слышу я... ни-ни...»
И я кричу, что сбился, мол, с дороги,
Брожу два дня, вконец измучил ноги...
«Ага, ага... Ложись-ка, отдохни.

Я тут одна... Забыл, наверно, Бог...»

«Спасибо вам...»

А утром, на рассвете,

Когда я спал, как спят на зорях дети,

Она топила печь, пекла пирог.

...Я уходил по тропке на село.

Роса дрожала и блестела густо,

И было у меня на сердце грустно,

И было на душе моей светло.

«Ах, жизнь моя, роскошная до боли...»

Ах, жизнь моя, роскошная до боли,
Свистящая как ветер на юру!
Опять лежит дорога в чистом поле
И глухари токуют на бору.

Отгоревала ночь и откатилась.
Сегодня мне спокойно и светло.
Нет, сердце, нет, ты не напрасно билось,
Ты не напрасно в путь меня звало.

Я счастлив тем, что я дышу, и вижу.
Мой легкий шаг упруг и невесом...
Как плачет чибис над осокой рыжей!
Как бор звенит на сотни голосов!

Вот сквозь деревья первый луч рассвета
Упал к дорожным сизым лопухам.
Когда не я, то кто бы видел это,
Когда не я, кто б это услышал?

Кому бы чибис плакался всё утро,
Кому б играли свадьбы глухари?..
Живу в пути и это очень мудро:

Шагать и видеть, знать и говорить.

«Я видел мальчишкой...»

Я видел мальчишкой,
Я помню упрямо,
Как помнят далекого детства мечту,
Как добрая наша усталая мама
Молилась и клала поклоны Христу.

Как я, затихая, смотрел затаенно,
И чудилось мне, что за черным окном
Какие-то люди проносят иконы
И ангелы быются беззвучным крылом.

А мама молилась, шептала губами,
И я засыпал на кровати своей...
Я в бога не верю, но только с годами
Всё больше завидую маме моей.

«Жизнь летит по спирали вдаль...»

Жизнь летит по спирали вдаль.
Есть забота, а есть печаль.

Есть обида, а есть беда...
Жил Иуда, и жив всегда.

Серебро ли, бумажный рубль,
Но предатель готов на дубль!

Совершит и уйдет в расход,
Возродится и вновь придет.

Поцелует и осквернит.
Поцелуем и знаменит.

«О собственной задумаюсь судьбе...»

О собственной задумаюсь судьбе.
Снега бусят под окнами и ветер
Всю ночь, как шальный, бродит по планете
И ухает простужено в трубе.

Луна в окне как льдина на плаву,
Дрова трещат, тепло в моей квартире.
Кто скажет мне – зачем я в этом мире
Однажды появился и живу.

Зачем я веселюсь, зачем грущу,
Зачем люблю весну и зрелый колос,
Зачем я свой придумываю космос,
Зачем слова особые ищу?

Всё в мире просто – небо и вода,
Всё в мире просто – женщины и дети...
Ну, что с того, что кто-то есть на свете,
В чьем сердце поселилась беда.

Зачем я вспоминаю те края,
Где жаворонки, степи оглашая,
Пропели мне о том, что жизнь большая,
Зачем меня тревожит боль чужая
И не дает покоя боль своя?

Зачем живу как будто бы бегу
Средь сутолоки праздников и буден?..
Ищу ответ.
Ответа мне не будет,
А сам себе ответить не смогу.

Загадочный свет

Спускался вечер. Шла весна...
В толпе, по-летнему одетой,
Она была особым светом
Из всех одна озарена.

Своих достоинств не тая,
Она не шла – она парила,
Она как будто говорила:
«Смотрите, вот какая я...»

Неповторимое, свое,
Раскованное и простое,
Торжественное и святое
В походке виделось ее!

Полуовал, полунамек,
Бедра изгиб, изящность линий...
Есть, есть в моих краях богини!
Ах, почему же я не бог.

Цок, цок! – а слышалось: «нет, нет...»
Весна переплавлялась в чудо!
И было не понять – откуда
Струился этот дивный свет!

В нем было столько чистоты,
В нем было столько тайной боли...
И я опять увидел поле:
Роса, и солнце, и цветы!

Светлеют тени по кустам,
Щебечут птицы, не смолкая,
И женщина, совсем другая,
Идет босая по цветам!

Ей обойти меня нельзя.
Мы не готовы с ней к разлуке.
Она идет, раскинув руки,
И светится от счастья вся!

Бушует солнце на лугах!
Играет свет в небесной глуби,
И я смотрю, смотрю на губы,
На ноги в мокрых лепестках...

Цок, цок! – качался силуэт.
Весна переходила в лето.
Шел вечер и далеко где-то
Небесный зажигался свет.

Цок, цок! – звучит из темноты.
Я женщине гляжу вдогонку,
А память снова крутит пленку —
Роса, и солнце, и цветы...

«Гуляет низовой буран...»

Гуляет низовой буран.
Горит огонь, горит экран,
Луна приклеена к стеклу
И кот сибирский на полу.

Всё так обыденно и просто.
Мой отчий дом.
Здесь мать живет.
Отец домой идет с погоста,
Вторую зиму не дойдет.

Такая боль, хоть в крик кричи!
А ветер снег метет в ночи
И лепит, лепит седину
И на стекло, и на луну.

Теснятся мысли... круг за кругом...
Ружье без мушки на стене...
Ведь это с ним бродил я лугом
Давно когда-то. Как во сне...

И вспоминаю, вспоминаю...
Зачем? Не ведаю, не знаю.
Зачем по прошлому бегу,
Остановиться не могу?..

«Имя – Анна...»

Имя – Анна...

Странно и туманно...

Словно из далёка-далека...

В наших встречах не было обмана.

Грусть была и радость.

На века.

Поезда приходят и уходят...

Старый клен, посаженный тобой,

На подворье каждый вечер бродит,

Горькою качая головой.

Звезды гибнут, падают полого...

Клен стареет, золотом шурша...

У какого дальнего порога

Обо мне болит твоя душа?

У какого моря-океана,

Под какой нездешнюю луной?..

Анна... Анна...

Как всё это странно.

Имя-то какое, боже мой...

Звезда в Вифлееме

Свершилось.

И новая встала звезда.

Шепталась прислуга в царевых палатах,

Недобрые люди в овчарнях и хатах

Искали того, кто пришел навсегда.

Округа на всё отвечала молчаньем.

В пещере под сенью хранительных сил

Марии был знак, и Мария с вниманьем

Смотрела на тех, кто дары подносил.

Младенец сопел и пеленки мочил,

Не знал о своей удивительной роли,

И, все-таки, словно в предчувствие боли

Сжимал кулачки и ногами сучил.

Декабрьская оттепель

Зима обмякла и раскисла,
И потемнела. За два дня!
А ведь вначале как нависла,
Колючим холодом звеня, —
Упала с неба в два крыла
Белым бела.

Синицы, чувствуя тепло,
Опять в леса откочевали,
Река закованные дали
Взломала декабрю назло.
О камни плещется волна
Черным черна.

Избушка наша в два окна
На всё смотрела и дивилась,
И крошечной трубой дымилась
Покою чудного полна,
И от восторга пес Буян
Был просто пьян.

И только серая ворона,
Зарывшись в крылья с головой,
С верхушки ели вековой
Вещала всем, причем, резонно:

«Ну, что вы сходите с ума!
Придет зима...»

Я, слыша голос той вороны,
И, веруя в вороноью речь,
Под пыж тяжелую картечь
Кладу в латунные патроны.
Лью воск на рыжие пыжи —
Ни капли лжи!

А через день, являя милость,
Зима пришла и в два крыла
Опять раскинулась, бела,
И вся округа обновилась:
Ни перекосов, ни теней —
Стола ровней.

Утром

Дымится черная зола.
Рассвет клубится над болотом.
Ладони пахнут конским потом
И кожей старого седла.

Ночь догорает на костре.
Дымит зола, дымятся росы...
Тиха округа, безголоса
Как мышь на шерстяном ковре.

Но только-только рассвело
И небо выгнулось полого —
Прощай, ночлег!
Зовет дорога
И тело просится в седло.

На просеке

Я в ладони плюю. Топорище шершаво.
Синеватая сталь до озноба остра.
Опрокинется дерево на спину в травы
Под тяжелым блестящим толчком топора.
Я к работе такой тяжело привыкаю.
Лес густой, а как будто стою на виду.
На березах по плечи сучки отсекаю
И стволы безголосые в штабель кладу.

Труд, конечно, почетен, но этот вот – тяжкий.
По особому тяжкий. Рублю ведь... Гублю...
А березы стоят, как матросы в тельняшках,
Я смотрю им в глаза и под корень валю.

«Город выглажен как скатерть...»

Город выглажен как скатерть.
Кружит солнце в этажах.
Ты идешь в красивом платье,
Отражаясь в витражах.

У тебя в губах улыбка,
Солнцем тронутые плечи...
День качается как зыбка.
Воздух носит чьи-то речи,

Чьи-то взгляды, чьи-то мысли —
Он прозрачен, зрим и плотен...
О тебе тоскуют кисти
Ненаписанных полотен.

Ты идешь одна. В молчанье.
Облака плывут. В круженье.
И ни грусти, ни печали
Ни в глазах и ни в движеньях.

Ты как будто неземная.
Не одна идешь, но врозь,
Словно радуга сквозная
Сквозь толпу и время сквозь.

«Облаков этажи...»

Облаков этажи.
Солнце меди рыжей.
Под обрывом стрижи.
Я гляжу на стрижей.

Чертит птица круги.
Голосок – волосок!..
Возле самой реки
Сядет стриж на песок;

Сложит крылышки стриж,
И сидит, словномышь.
Но взлетает когда —
Это просто беда!

Бьет крылами песок.
В каждом взмахе – борьба!

...А в округе покой
Сумасшедший такой.

Цезарь

Оставить за спиною Рубикон,
Не брезговать в пути котлом плебея,
Скорбеть над мертвой головой Помпея,
Жизнь, как монету, положить на кон,
Явиться в Понт,
Увидеть, победить,
Залить огонь гражданского пожара,
И... двадцать три отточенных удара...

Ну, кто бы ни хотел вот так прожить!

Май

Подсохли дороги. Не видно воды.
Апрель на деревьях оставил следы.

Со звоном навстречу встающему дню
Смолистые почки срывают броню.

Их звоны слышны далеко в тишине...
Гарцует пастух на мухортом коне.

С коровами бабы теснятся в кругу.
И дикие гуси орут на лугу...

Хлеб

Мы за хлебом занимали очередь с вечера,
Всё старухи да мы, дети малые.
Я узнал тогда, что звезды не вечные,
И еще узнал – какие зори алые.
Я прошел насквозь те ночи холодные,
Где луга в росе – гигантские простыни.
Если б не были в те дни мы голодные,
Эти ночи были просто бы проспаны.

У старух такие личики сморщенные.
Разговоры полушепотом, жуткие.
Как метались они в криках «смена очереди!»,
Обучали нас выносливости сутками.
Угощали нас квашеной пахтой,
Обижались, что пахту не брали мы...

А мы окурки смолили украдкой,
Мы в пристенок играли медалями!
Не камнями дрались – кулаками мы,
В ранки сыпали глину целебную...

И росли пацанами нормальными,
И влюблялись в Россию бесхлебную.

«Войду к тебе из осени...»

Войду к тебе из осени.

К огню.

Горячий чай. Домашнее варенье.

Сухой осины ясное горенье...

Я голову на грудь свою склоню

И на твои упреки не отвечу.

Я просто посижу и помолчу...

И, глядя на огонь,

В ненастный этот вечер

Далекого коснуться захочу.

Не упрекай, не обвиняй меня,

Всё так непросто.

Догорит осина...

А вдруг и впрямь всё кончится красиво,

И Феникс возродится из огня.

«Не кричали. Не ругались...»

Не кричали. Не ругались.
Ни в обиде. Ни в злобе.
Помолчали. Попрощались.
Он – к себе, она – к себе.

Ветер травами сухими
Шелестел: кого винить?..
И легла тропа меж ними,
Как натянутая нить.

«Когда я чую за моей спиной...»

Когда я чую за моей спиной
Недобрый взгляд и шепоток змеиный,
Душе моей, открытой и ранимой,
И без досужих вымыслов больной,
Я говорю: «Не плачь, душа моя.
Всё это не впервой и не в последний...
А – больно?.. Что ж, на то она и сплетня.
Змея без яда – это не змея».

Поэзия труда

Я не был никогда на буровой...
Пишу строку и живо представляю:
Как я под вой буранный управляю
Машиною, сверлящей шар земной...

Прочтет читатель и вздохнет при этом:
«Вам хорошо придумывать, поэтам,
А сами-то...»
Читатель, извини!
Пускай – не нефть, но мне пришлось в метелях
На тех же сумасшедших параллелях
В сугробах мять нерадостные дни.

«Нерадостные? Что за ерунда?
А в чем тогда поэзия труда?...»
Поэзия труда?..
Она – потом!
Когда однажды над морозным станом
Нефть вырвется сверкающим фонтаном
И буровик закрутится винтом

От радости, что не был труд напрасен,
Что нефть пришла.
И этот миг прекрасен!..
Но это всё не скоро, а пока

Мне кажется – открыты двери ада,
Снега ревут сильнее, чем канонада,
И столбик ртути ниже сорока.

Муравейник

Расположен у тропы лесной
Город с миллионным населением,

Со своей тревогой и весельем,
С долгою заботою одной.

Постоишь, подумаешь: в натуре,
Вот они и радость, и успех.

Этакий колхоз в миниатюре
С трудоднями общими – на всех..

Тот несет домой, а тот – из дома!
Коль семья, то должен быть урод.
А картина, в общем-то, знакома,
Пропивать, наверно, волокет.

Но никто вдогонку не ругался.
Муравей уселся на пенек,
Посидел, подумал, застеснялся
И назад хвоинку поволок...

По дорожкам взад-вперед несутся.
Труженики, что еще сказать!
В тесноте живут, а не грызутся...

Надо бы собратьям показать.

Из больничной тетради

1.

Я лежу один в палате.
Я один на всей планете.
Умираю на закате.
Воскресаю на рассвете.
Я пишу кривые строчки.
Я пишу плохие мысли...
За окном прозрели почки,
А из почек лезут листья.

Звук далеких колоколен
Правит мне и лечит нервы...
Я четвертый месяц болен
И еще июнь в резерве.

2.

Зачем же так рано к земле потянуло?
Ломало, крутило, ужели согнуло?

То взлет, то паденье, то шрамы, то риски,
Прокручены ленты, проиграны диски...
В июне земля горяча на закате,
В июне земля холодна на рассвете...
Как пахнет сосною в больничной палате!
Как тихо играют под окнами дети!
Я всё представляю, что там – за стеною.
А жизнь – стороною, а жизнь – стороною,
Остались мгновенья, последние крошки...
Неужто обманут я был при дележке,
И мне суждена лишь одна половина?..

Ночь в окна плывет как рогатая мина,
И рядом встает. Принимает участие.
Ночь ждет терпеливо, когда я – на части!
Чтоб первой, увидев, оплакать потерю...
Но я не умру, потому что я верю.

3.

Как вестник смерти,
Как палач,
Ко мне вошел в палату врач.
Он приговор в руках держал.
Он рядом сел, а я лежал.
Я тлел, как желтая свеча.

Он говорил, а я молчал,
А я дышал едва-едва,
И жадно пил его слова...

Всех слов запомнить не дано,
И я запомнил лишь одно!
Оно во мне.
В моей крови!
Он, уходя, сказал: «Живи!»
Сказал, как приказал.
В упор!

...Я помню это до сих пор.

«У ЭТОЙ ЖЕНЩИНЫ БОЛЬНЫЕ НОГИ...»

У этой женщины больные ноги.
У этой женщины больные руки.
Но эту женщину любили боги
И ей послали шестнадцать внуков.

И женщина знает их всех по имени
От самого малого до самого старшего,
Души хватает для них, а именно,
Любить их всех и болеть за каждого.

Ну, ладно бы, знала самого младшего.
Ну, ладно бы, помнила самого первого.
А то ведь держит в памяти каждого!
Вот я бы так не сумел, наверное.

И женщина пишет им письма частые,
На двух листах, чтобы всё толково.
А внуки, видно, живут несчастными,
С сердцами каменными.
В ответ ни слова.

Она вынимает почту бережно
Как что-то тайное и тревожное...
А почты всей-то – газетка свежая.
Но женщина верит, что внуки хорошие.

«И время распадется на куски...»

И время распадется на куски,
И новым светом озарятся грани,
И в сердце, как в больной тяжелой ране,
Кровь совершит последние толчки.

Тугой петлей сомкнется горизонт,
И два крыла погаснут за плечами,
И то, чем мучился бессонными ночами,
Умрет...

Черная Русь

Харалужные копыя изломаны в щепы.
Ярославна в печали живет у окна.
Солнца шар окровавленный мечется слепо
И багрова до боли заката струна.

Слышен грай.
Воронье чертит воздух крылами,
Черным криком опутано небо вокруг.
И тяжелые волки кругами, кругами
По лесам и яругам уходят на юг.

От Каялы реки до Великого Понта
Половецкие ветры победу поют...
На Руси от черты до черты горизонта
Парни русые новые копыя куют.

«Живу и знаю: счастье рядом...»

Живу и знаю: счастье рядом.
Живу и жду. Проходят дни —
Порой чисты, порою с ядом,
Порою словно не мои.

Но я живу. Я привыкаю.
Из горной речки воду пью,
В солонку черствый хлеб макаю,
И горько мне, но я терплю.

Терплю и жду, поскольку верю:
Настанет час, настанет срок —
Однажды распахнутся двери
И счастье ступит на порог

В нездешнем сказочном наряде.
Войдет и словно в забыты
Рукою бережно погладит
Седые волосы мои.

К Музе

Всё, конечно, так и было,
Быть иначе не могло.
Ты в мое жильё входила,
Как луна, через стекло.

Расплетала кудри-косы,
Платьем шелковым шурша.
Ты на все мои вопросы
Отвечала не спеша.

Отвечала просто, мило...
Зыбкий свет. Уют. Покой...
Мне с тобою рядом было
Удивительно легко.

Лунный луч бродил по залам,
По углам таился мрак.
Ты под утро исчезала
Непонятно даже как.

За окном клубились дали.
День катился по стерне.
Новый день...
И оживали
Боли прежние во мне.

Размышления у картины неизвестного Художника

Вошел Художник в мастерскую,
Художник подошел к холсту,
Взял кисть и создал Красоту
Легко и просто.
Как вслепую!

И вышел вон.
И затерялся
Меж складок Времени. Во мгле.
А холст не умер. Холст остался,
Как след, как память на земле.

Остановись!
Замри и стой!
Наполнись светом и тревогой
Перед грядущей дорогой,
Перед грядущей красотой.

И замираем, не дыша.
И смотрим, смотрим, не мигая.
А Красота живет нагая,
Как сталь разящего ножа!

И – свет!

По залам, хрусталям.

В зрчках притихших, на паркете...

И Время верит вексям

На право получить бессмертье.

«Снег соткан из мороза и тумана...»

Снег соткан из мороза и тумана.
Как неуклюже замерли дома...

Возникнет боль нежданно, нежданно,
Повяжет тело и сведет с ума!
И... прочь дела.
Ко всем чертям – заботы.
Боль властвует, она напряжена,
Прижмет, отпустит и опять – волна...
А город предлагает повороты.
Сюда пойду – проспект,
Сюда – тупик,
Где фонари с погасшими свечами
Как люди, погруженные в молчанье.
Я к этому молчанию привык.
Как только боль, то всё кругом молчит,
Как будто отгорожено прозрачным,
И лишь трамвай, раздвинув клешни рачьи,
Попав под напряжение, урчит.

А боль живет в мозгу как метроном.
Дойти бы только до конца квартала,
Я помню – там всё время отступала
Волна. Как раз за этим вот углом.
Дойти... Дойти...

И вот – не так болит.

Я знаю и уверен – боль убудет,

Вот только, чтобы шли навстречу люди.

В молчанье.

Пусть.

Но только, чтобы шли.

«Когда уже писать свое невмочь...»

Когда уже писать свое невмочь
И понимать чужое невозможно,
Когда постыло всё,
Когда тревожно
В окно всю ночь
Глядит немая ночь,
И падает звезда на подоконник —
Беззвучная! —
И трепетом лучей
Касается слепых моих очей,
Я понимаю с горечью и болью,
Что мне в стихах спасенья не найти,
И не сумею мне вырваться из плена.
И дышит ночь предчувствием измены
Моей стихам...

Панюшовские талы

Наполню патронташ и тихим утром ранним
Сойду с крыльца, калитку притворю,
И с батиным ружьем
Как в детстве давнем, давнем
Пойду встречать сентябрьскую зарю.

Почувствую в ладони сталь ствола
И тяжесть емкую латунного патрона,
Услышу, как хрипит в осиннике ворона,
За спину заправляя два крыла.

Увижу глаз, наполненный сомнением,
И подниму стволы,
И опущу стволы
Согласно с собственным сердцебиеньем...
И вдруг увижу – выросли талы!

Те самые, что вырублены были!..
Рубили мы, а наши мамы жгли...
Видать, живучи корневые жилы.
Иначе б возродиться не могли.

Мы их рубили так! Мы их с землей месили.
Травой топили, а талы – дрова!
Не будь в сорок втором в моей стране России

Таких талов – не выжила б Москва.

И, вишь ты, отросли. Стоят среди околков
В колючей ежевике, во хмелю...
Зачем я здесь с отцовскою двустволкой,
Кого убить хочу в родном краю!

Неужто для того они меня спасали
В тот черный год,
Чтоб через двадцать лет
Я встретил их бездушными глазами
И выкрасил живое в мертвый цвет!

Нет, милый край!
Прими мое волненье,
Ничем не омрачу свиданье это я,
Что светится как тайное мгновенье
Прекрасного земного бытия.

Вечер в Панюшовском Кругу

Пьет воду утка в сонных тростниках.
Талы оплетены пахучим хмелем.
Алей глубок,
И где-то за Алеем
Ночные тени прячутся в стогах.

Лежит звезда на зеркале холодном,
Костра дымок свивается в круги
И тополя веселым хороводом
Танцуют над обрывом у реки...

Чайка

О гранит о причальный
Длинных волн молотба...
Окольцованность чайки —
Это тоже судьба!

Сумасшедшая свежесть
И простор без конца,
И тревожная тяжесть
Номерного кольца.

Но летает, летает,
Волны крыльями бьет,
И не помнит, не знает,
Как однажды ее

Кольцевали средь крику
Много весен назад...
И захлопнули книгу,
И, не глядя, следят,

Чтобы в августе, в марте
По письму, по кольцу
Путь отметить на карте
От начала к концу.

Рядом с линией этой
Тонкой птичьей судьбы
Ни счастливых пометок,
Ни ружейной пальбы.

Море

Солнце – лампой в потолок
Ввинченное, в синий купол.
Пляж – скопление голых кукол,
Выброшенных на песок.

Те – из моря, эти – в нем,
Жарятся на солнце, млеют.
Море моет их, лелеет,
И мелет с каждым днем.

Морю скучно!
Жизнь – в веках!
Жизнь большая, а в итоге
Ежедневно ноги, ноги
И тоска на лежаках.

Потому-то иногда
Море взбесится.
Мятежно!
И морское побережье
Очищается тогда.

Переселенцы

Над губой опальный пар. Холод.
Над седой тайгою – ка-р-р! Голод.
Полуночный желтый глаз лютый.
Сквозь снега – в ущелье-лаз – люди...
Миновали перевал. Круто!
Старший место указал: «Тута...»

Изо рта со свистом хрип – в небо.
Сосны падали сквозь крик немо.
Души грели у костра, вены.
В три каленых топора... Стены
Крепко свежую смолой пахли.
Не хватало одного – пакли.

Сруб ввели под ряд стропил. Общий!
Старший палец отрубил... Молча
На тесовое крыльцо вышел,
Снег кровавою струей вышил.
Осветил лица овал грустью,
И Сибирь мою назвал Русью.

Ночь сложила всех в пакет на пол.
Сквозь деревья лунный свет капал.
Волки выли за горой глухо.
Филин утренней порой ухал.

Солнце встало всё в пыли. Рыже!
Жизнь любили и смогли выжить.

...Я живу в иные дни. Вольный.
Не с опальной, как у них, долей.
Запах древней той избы знаю.
Редко в том краю, но бы-ваю.
Всё смотрю (душа велит!) стены.
Целый палец, а болит... Гены.

«Я насторожен как капкан...»

Я насторожен как капкан,
Но лишь проявится виденье,
Я пальцев собственных аркан
На нем замкну без промедленья.
И тени, что в ночном кругу
Метались, обретут начала...
Светло мне станет и печально,
И грифель выведет строку.

«Играть в слова...»

«Играть в слова...»

Но разве можно?

Играть в слова не можно – нужно!

Но чтоб дыхание не ложно,

Да чтобы слово не натужно,

Чтоб мысли подкреплялись звуком,

Чтоб звуки подчинялись ритму...

Стихи возьмут чужие руки,

И в них поверят как в молитву.

Сочтут своей твою удачу,

Сочтут своим твое крушение,

И засмеются,

И заплачут...

Играть! – прекрасное решение.

Кошка

В глазах испуг.
Тоска беременная.
Площадка лестничная – жилище временное...
Дверями хлопал апрель в парадных.
Остатки снега дождем косило.
Она ходила на лапах ватных.
Она живот свой едва носила,
Искала угол – ну, где же, где же...
Такая жалкая – вот обида!
Людей пугалась всё реже, реже
И не по правде, а так – для вида.
Ногою топнут, боится вроде —
К стене прижмется, сама ни с места...
И окотилась. При всем народе.
Приличней не было больше места.
Лежит голодная и холодная,
Котят облизывает с таким отчаяньем...
А рядом с кошкой тропа народная,
Но мы обходим ее с молчанием...
Обходим, словно бы извиняемся, —
Ни молока, ни рваного коврика —
В глаза друг другу смотреть стесняемся,
И ожидаем ирода-дворника.

«Дача...»

Дача.

Розовое счастье!

Двухэтажные палаты!

Всё поделено на части,

На пи-э-ры и квадраты.

Чистота везде, порядок.

Свой уют. Своя планета.

И хозяин между грядок —

Канареечного цвета —

В желтой майке с грязным пузом,

Деловитый весь, толковый!

Как початок кукурузы,

Как сверкающий целковый!

Не вступает в разговоры.

Видит, знает, слышит...

Леший...

И болонка под забором —

Ух, и злая, ух, и брешет!

«Дождь ударил в стекло...»

Дождь ударил в стекло
И промокло село
От соломенных крыш до тесовых порогов.

Прокатилась гроза.
Окна словно глаза,
И дымится парное тепло над дорогой.

Я стою у крыльца
Под ладонью отца,
Вечер пахнет полынью и сладким нектаром,

И далекий закат
Как вечерний набат
На деревья и крыши стекает пожаром.

«Прочесть тревогу тайную в глазах...»

Прочесть тревогу тайную в глазах

Не знаю: страшно ль?

Только знаю – страшно

Быть рядом ежедневно, ежечасно

И говорить на разных языках.

Семидесятые

Задышалась Москва от жары и транзита...
Стонут кассы. У каждого время – в обрез!
Комсомольская площадь по горло забита
Областями страны. В тубетейках и без.

Вот седой аксакал, вот матрос из Мурманска...
Тот на север, а этому – срочно! – на юг.
Раскаленный асфальт пахнет нефтью и краской,
И гнилым багажом спекулянтов-хапуг.

Аксакала пойму, понимаю матроса...
Спекулянта не жалко. Прощай-погибай!
Ах, какие у спящей красавицы косы!
Ах, как смотрит на девушку толстый бабай.

На бабае халат, шелком шитые петли.
Он забыл про жару, он забыл про жену...
Я со всеми кружусь в этом огненном пекле,
Я смотрю на страну, понимаю страну.

Понимаю бурлящее это кипенье!
Солнца шар всё сильнее звенит в вышине.
Над столицей повисло такое давление!
Поезда, словно ветры, идут по стране...

«Белый гриб боровик...»

Белый гриб боровик.
Сколько белого тела!
Лето августом пахнет, поляны в росе.
Сосны смотрят зарю, сосны делают дело,
Неподвижны в своей величавой красе.

Я к сосне прислонюсь, я себя позабуду.
Бор окружит меня беломшаным ковром.
И, пронзенные солнцем, подобные чуду,
Запылают стволы золотистым огнем.

Ни о чем не грущу, ничего не пытаю.
Я стою у сосны, прикасаюсь к костру,
Иглы сосен, как будто мгновенья стекают, —
Это время бредет по седому ковру.

На сто верст – никого!
Только птицы летают.
Затерялся в глуши одинокий мой след.
Солнце режет глаза, сосны жарко пылают,
Я стою на костре, может, тысячу лет...

«Войти с мороза. Сесть к столу...»

Войти с мороза. Сесть к столу.
Впотьмах нащупать папиросу,
И глядя сквозь стекло во мглу,
Склониться к вечному вопросу:
А дальше что?
А что потом?..
Метаться от балкона к двери,
Не знать ответа, но поверить,
Что ты не виноват ни в чем.
Попробовать найти все «за»,
И за бессонными шагами
Почувствовать как ночь кругами
Ложится под твои глаза.

«А у осени рыжая шаль...»

А у осени рыжая шаль
Золотым оторочена мехом...
Отзовется бескрылая даль
Переломанным эхом.

И – зови не зови,
И – проси не проси,
Нет ответа.
Только лепет ручья,
Да дрожанье осин,
Да от ветра

Чуть гудят провода...

Желтое

Опадая, провисая, в обложных дождях, кося,
Бродит осень по кустам.

Отрясая с кленов листья, мягко водит желтой кистью
По холмам как по холстам.

И кричат печально гуси над моею желтой Русью.
Улетают от беды.

Я и сам живу в тревоге – переломаны дороги
В вихрях бешеной воды.

Выйду утром на подворье – стонут сосны: горе... горе...
С неба дождь сочится. Мгла.

Сильных птиц услышу звуки и почувствую как руки
Превращаются в крыла...

«Если вдруг остудит осень...»

Если вдруг остудит осень
Кровь твою и кровь мою —

Скорый поезд ровно в восемь
Отправляется на юг!

Спрячь в душе подальше жалость,
И, надеясь на авось,
Уезжай.
А я останусь.
Нам, холодным, лучше врозь...

– Нам, холодным, лучше – вместе.
Ну, куда я от... беды?

Путь неблизкий, неизвестный —
Тридцать три часа езды.

– Не хочу я – в путь далекий,
Чтобы жить вдали, скорбя...
Ты ж погибнешь, одинокий,
Я погибну – без тебя...

Волчица

Перерезала путь лосою.
К шее бросилась. Кровь нашла.
И сцедила по капле всю.
Печень выела и ушла.

А потом привела волчат.
Пятерых. На кривых стопах.
И смотрела как те, урча,
Погружались в лосиный пах.

С ними рядом легла. Струна!
К солнцу вывернула сосок.
И сочилась в оскал слюна
Между лап на сухой песок.

Возбужденные злой игрой
(С мертвым было легко играть!)
Звери грызлись промеж собой
И сосали волчицу-мать.

И, вдыхая в себя тепло
Материнского молока,
Из себя выдыхали зло,
Что течет из веков в века.

На волчицу кося зрачки,
Проминая живот до дна,
Ей прикусывали соски
И не вздрагивала она.

«Родится звук...»

1.

Родится звук.

За речкой.

На лугу...

Вначале робкий, тоненький, несмелый,

Потом ворвется в дом и, что ни делай,

Закружится, как в замкнутом кругу...

Как будто я без звука не могу.

2.

А я без звука не могу!

Он в дом войдет и я

Смеюсь, и плачу, и бегу

По кромке бытия.

«Утром встану теплый сонный...»

Утром встану теплый сонный...
Небо синее бездонно!
Солнца луч – сквозь кроны сосен.
С кленов – листья.
Значит, осень.
Отыщу в сенях топор,
Выйду во широкий двор,
И под запах пала, тлена
Загоню топор в полено,
И услышу:
Подо мной
Колыхнется шар земной!

«Ну и пусть...»

Ну и пусть.

Мне не больно ничуть...

Да, согласен, конечно, не лучший,

И живу, не надеясь на случай,

И нелегко мной выбранный путь.

На извилинах троп и дорог

Ошибаюсь, да так – разбиваюсь,

Но себя оправдать не пытаюсь

И наград не ищу, видит Бог.

Потому не вини. Ни к чему.

Я и сам не умею ответить:

То ли это – из ночи к рассвету,

То ли это – из света во тьму.

«Осень клены опалила...»

Осень клены опалила,
Птичьи гнезда оголила,
И прозрачен, и встревожен,
Лес туманами стреножен,
Переломан, перекручен
И дождем подвязан к тучам.

...Горизонт в далекой дымке,
Солнце в шапке-невидимке...

И всё утро белобоко
Птица мается, сорока.
Над калиновым кустом
Синей шпагою-хвостом
Потряся, говорит:
– Вот что рыжая творит...
И, вращая черным оком,
Между веток скоком-боком
Вяжет петли, а сама
Зорко зырит на дома,
На колодец, на меня,
На чубарого коня.

Токсово

Осень – рыжие брови.
Резкий ветер с дождями...
Белый мрамор надгробий
Укрываем ветвями.

Будь спокоен, убитый,
Нами в землю зарытый,
Поминаемый нами...

Защищают ли камни
От недоброго слова,
От колючего снега,
От наветов худого
Окаянного века?..

Сон

А мне однажды чудный сон приснится:
Спасая жизнь свою от коршуны,
Я малой птицей – желтою синицей —
Вернусь в свои родимые края.

На тополь сяду около окошка
И сквозь стекло увижу на полу
Сибирскую, как шар пушистый, кошку,
И печь, и грубу, и кровать в углу...

Увидят птицу и поставят клетку,
И я, желая в доме побывать,
Немедленно свою покину ветку
И в клетку залечу, и стану ждать.

И мальчуган (не я ли?) засмеется,
Внесет меня в родительский мой дом,
И удивится:
«Надо же, не бьется...»
...И на свободу выпустит потом...

И я проснусь. И мне не разобраться:
К чему во сне всё та же боль моя?

Я разучился в жизни улыбаться,

Но помню, как смеялся в детстве я.

«Остались утки на зиму в Неве...»

Остались утки на зиму в Неве.
Ни капли солнца и ни крошки хлеба —
Свинцовое изорванное небо,
Гранит, мосты и пена на волне.

Покинутые слабым вожакom,
Продрогшие, они не понимали,
Что не для них ударит первый гром,
И не для них дожди прольются в мае.

Пугал прохожих необычный вид,
Прохожие качали головами.
И только дядя Костя, инвалид,
Ругал тех уток всякими словами.

Он на протезе двигался с трудом,
И в январе – три первые недели —
Он белый хлеб носил к Неве в портфеле...
А вскоре вся Нева покрылась льдом.

«Нет, нет, ты трижды не права!..»

Нет, нет, ты трижды не права!
Мое спасенье не в везеньи,
Мое спасение в уменьи
Искать и сопрягать слова,
И, не щадя свое перо,
Их новым наделять значеньем...

Когда ж, поставив на ребро,
Почти предчувствуя свеченье,
Я в слове зрю иную статью,

То, губ упрямых нить живую
Зажав как рану ножевую,
Я знаю, что спасен опять.

«Писать стихи нужна не только смелость...»

Писать стихи нужна не только смелость...

Сам посуди – из глубины веков
Земля моя летела и вертелась,
Рифмованная сотней языков.

Поэты рифмовали и историки,
И рифмовали даже те, которые
Средь рифм плутали, как в туманной мгле.
Неужто это нужно ей, земле?

Ей нужно это!
Рви свой ворот узкий,
Ищи в словах иную высоту!
Без рифм Земля, не выдержав нагрузки,
Расколется однажды на лету.

Но столько обо всём уже написано,
Что прочитать – ясна любая истина:
Вот это – зло, а это есть – добро.
Но если так – как подниму перо!

О чем запеть, коль обо всем пропето?
О чем писать, коль всё уже старо?

А не писать – расколется планета.

Но если так – как опущу перо!

«Толпа колышется, как море...»

Толпа колышется, как море.
И, словно под лопатку нож,
В толпе – она.
Такое горе!
Коснись и пальцы обожжешь.

И прикоснусь...
И может статься —
Что в наказание за то
Мои обугленные пальцы
Уже не вылечит никто.

Бытовое

Дождь падает на тротуары,
О подоконники стучит.
Душа притихла как в угаре,
И онемела, и молчит.

И неподвижны и нелепы
Ларьки пивные на углу
Стоят, напоминая склепы,
В толпе, желающей во мглу.

Там синие до глянца лица,
И кажется, что в мире том
Мгновенье не летит, а длится,
И всё – такая заграница,
Что страшно указать перстом.

Они стоят как на приколе.
И слышно даже за стеклом
Как пахнет горьким алкоголем
В дожде осеннем обложном.

И знаю я, что к ночи глубже,
Как только станет вечер слеп,
Они уйдут, оставив души,
Стоящими у входа в склеп.

«Я каждого, любя как брата...»

Я каждого, любя как брата,
Готов обнять рукой своей...
Я не стрелял из автомата
В скрещенье рыженьких бровей.

Я не висел над пустотою,
Меня не обожгла броня.
Война прошла за той чертою,
Где еще не было меня.

Я про нее узнал подростком.
В краю степей и тополей
Она прошла и отголоском
Осталась в памяти моей.

Да, мне досталось мало хлеба,
Я помню горечь лебеды,
Но надо мной сияло небо
Без черных признаков беды.

Алтай! Алтай!.. Какое слово!
Не отрекусь, не отрекусь!
Случится час – умру, но снова,
Воскреснув, я сюда вернусь.

Под это небо, к этим хатам,
К садам, упавшим на село,
Где каждого люблю, как брата,
Где детство трудное прошло.

Вернусь, как будто из погони,
Зови меня, иль не зови,
И принесу в своих ладонях
Слова признанья и любви.

«Не хочу я тебя разгадывать...»

Не хочу я тебя разгадывать,
Я и рад бы – да не могу.
Ты пришла, чтобы жить и радовать,
И вращаться в моем кругу.

В вихре танца витиеватого
Напряжение сил и мук...
Помоги же мне разорвать его,
Этот замкнутый чертов круг.

Здесь не радости, только горести,
Здесь запутаны тропы все,
Здесь кружусь я в напрасных поисках
Белкой пленною в колесе.

Здесь в ладонях моих натруженных
Мягко рвется событий нить,
Здесь под небом, грозой контуженном,
Негде голову преклонить.

«...У конуры, вдыхая атмосферу...»

...У конуры, вдыхая атмосферу,
Дежурил пес огромный словно вечер.
Его глаза мерцали и светились,
И гасли постепенно, а в избе
Семилинейной лампой освещенный
Сидел мужчина около стола;
Топилась печь и огненные блики
По комнате метались.
В глубине
Белела прялка. Колесо вращалось
И женщина виднелась, и в руке
Клубок она, как яблоко, держала...

Я трогаю калитку – не скрипит,
И пес молчит. Глаза его погасли.
Я подхожу, протягиваю руки —
Собаки нет, и заросли бурьяна
Росой мои ладони обожгли.
Куда же Черный делся? – я подумал,
И в дом вошел, а в доме – никого...

И странно как-то стало, и тревожно;
Куда все подевались? От печи
Теплом не веет... Груба холодна...
И прялка вся в пыли, и только в лампе

Семилинейной дышит огонек.
И тут я вспомнил: мама в Ленинграде
Живет со мной, а где отец – не знаю.
Когда прощались, то не говорил,
Что он из дома этого уедет.

Но вот – ушел. Ушел и не дождался —
Осталась только в блюдечке свеча
Оплавшая и рядом зерна риса...

И я хожу по комнате печальной,
И в памяти своей перебираю
Знакомые места, куда он мог уехать,
И не могу представить это место...

Семейный документ

Космическую пыль смахну с листа,
На желтом фото разгляжу морщины,
Увижу подпись. Резкую. Мужчины.
И добела потертые места.

Горчит осколок даты «...3 год»,
Горчат три слова «...умер от холеры»,
И смазано – «куръез» или «курьеры»,
А прочее и лупа не берет.

Семейный документ. Разгадки не дано.
Зачем его хранить была охота?
Ну, ясно: умер от холеры кто-то.
Но – кто?
И фантазировать грешно.

Чиновник ли, простолюдин какой,
Здоровый телом или же калека?
И воздух девятнадцатого века
Тревожит и тревожит мой покой.

А выцветшие строчки так слепы!..
Но светит за листом, на дальнем плане,
Укрытая годами, как в тумане,
Загадочная тень родной судьбы.

«Напишите письмо...»

Напишите письмо.

Десять строчек, не боле.

Опишите, прошу, как на майской заре

Зацветает кандык на оттаявшем поле,

И гуляют грачи на седом пустыре.

Расскажите, как пахнет листвой молодой,

Как ребята копают саранки в лугу,

Как тревожно кричат кулики над водою —

От чего я отвык,

Без чего не могу.

Чтоб я снова душой в те края устремился,

Понимая, что нету обратных дорог,

Чтоб я грудью на стол тяжело навалился

И от грусти и боли очнуться не мог.

«Подворотни и арки...»

Подворотни и арки,
Снег пушист и летуч.
Месяц выгнутый яркий
Выползал из-за туч.

Трепетала афиша —
Чей-то прошлый успех.
Снег ложился на крыши.
Снег ложился на всех.

Шел и шел, не кончался,
Укрывал, заносил,
Белой шубой качался,
Белой тканью скользил...

Так без боли, без крика,
В снег входя, словно в дым,
Город плавно и тихо
Становился седым.

На разъезде

В июле, в середине лета,
У звездной ночи на краю
Составы шли в потоках света,
Не понимая боль мою.
А я мотался вдоль перрона,
Из теплой фляжки воду пил,
Мечтал о духоте вагона
И жадно время торопил.
Мне было, край, на север нужно!
Ни в гости и ни из гостей...
Составы грузно шли, натужно,
Не понижая скоростей.
Составы шли с каким-то стоном
И исчезали в черной мгле...
Дежурный согнутый и сонный
С флажками в кирзовом чехле
С неряшливо-небрежным видом
Ходил, не видел никого,
А я молчал и ненавидел
Разъезд обшарпанный его...

«Растворяюсь всё больше в житейских заботах...»

Растворяюсь всё больше в житейских заботах,
На дела не хватает огромного дня,
Не тону, в камышами заросших болотах,
Комаров не кормлю.
Как они – без меня?

Кто там донором бродит средь окликов птичьих,
Провожает закаты, встречает зарю!
Всё ушло, только я каждый день по привычке
Просыпаюсь до света и в окна смотрю.

Жду рассвет, будто в нем принимаю участие.
Сколько раз приходилось встречать, сколько раз!
Если б в юности не было этого счастья,
Как бы в зрелости плохо мне было сейчас!

Мне бы выпало в жизни какое наследство?
Я прошел это всё не в мечтах – наяву.
Мне досталось, как чудо, прекрасное детство —
Заревое, голодное...
Тем и живу.

«...Рюкзак и бродни...»

...Рюкзак и бродни,
Лодка и весло,
Звезды удар о галечник прибрежный,
И тусклый свет далеких побережий,
И сонное родимое село.

Высоких елей утренний разбег,
Игра лещей над жмыховой привадой,
И шар земной с единственной правдой,
Что это не окончится вовек...

«Нет, ты воротись ко мне...»

Нет, ты воротись ко мне,
В мой тихий дом,
В мои печали,
И жизнь начнется как вначале,
Как в той далекой тишине,
Где мир был полн,
И мы, любя,
Шли, озаряясь дивным светом,
Мечтали, верили приметам...
Где я боготворил тебя.

«Свет фонаря смешался с январем...»

Свет фонаря смешался с январем.
Чужая тень в летящих искрах снега
Пригнулась как на старте для забега...
Как странно – свет и тень под фонарем!

Как странно – свет, и тень, и легкий снег...
Как будто некто вышел на мгновенье
Под этот свет и замер без движенья.
Тень видима – невидим человек.

Тень видима, а человека нет...
Но тень жива, пульсирует и дышит.
Так молятся, но кто молитву слышит?
Ушел хозяин, забусило след.

Ушел туда, где зябко и темно,
Где гроздь звезд висят у изголовья,
Где всё объединяется любовью,
И ненавистью всё разобщено.

Из детства

*Если тяжёк путь, надо с воза слезть,
За собой коня в поводу повесть...*

Осень. Топкая грязь.
Правлю парой, как князь,
К трехаршинным лесинам спиной прислонясь.

Еду словно во сне,
И не весело мне
Наблюдать, как ступают грачи по стерне.

Где-то дом далеко,
Пахнет в нем молоком
И горбушкой, натертою злым чесноком.

Как хочу я домой,
Где уют и покой,
Где Есенин раскрыт на странице восьмой.

У печи близ огня
Он заждался меня,
Но кнутом не ударю по крупу коня,

Просто с воза сойду
И с наказом в ладу

Лошадей за собой поведу в поводу.

Ладога зимняя

В каждой лунке свои движения,
Свои окуни и плотва...
Лед под буром шуршит в кружении,
Выговаривает слова.
– Ой, ты, Ладога, боль крученная!..

Улетает под лед блесна
И качается золоченая
На две четверти ото дна.

Рыба глупая полосатая
Верит этой блесне простой...

Окунь черный, спина горбатая,
Янтарем зрачок налитой,
Вмиг покроется белым инеем,
Затрепещет на льду,
Потом
Изогнется и небо синее
Подопрет огромным хвостом!

«Водопад... Парабола... Дуга...»

Водопад... Парабола... Дуга...
За кривой арктического круга
В час, когда над миром правит вьюга,
Водопад – колючая шуга.

Трогаю колючую шугу.
Острый лед в ладонях растирая,
Всю суровость северного края,
Кажется, понять сейчас могу.

Вот – струя!
Могучая, бурлит!
Мощное изогнутое тело!..
Капля оторвется, отлетит
На мгновенье и... заледенела.

Только миг. Всего единый миг...
Смысл?
Велик!
А разве не велик?

«Погладить березу по тоненькой талии...»

Погладить березу по тоненькой талии,
Коснуться губами резного листа
И вдруг осознать, что округа состарилась,
И мне не знакомы родные места.
Как будто всё ново.
Но странно, но мило...
И в памяти, где-то на самом краю,
И запах полыни, и губы любимой,
И перепел кличет подругу свою.

Шушары

Осень.

Ну, что в ней?

Зачем так тревожно?

Солнца осколки – последняя милость.

Просто невысказано, просто острожно...

Тучи сошлись и над полем разбились.

И полилось на стога и на пашни,

И потекло на лицо и за ворот,

И над свеклой, в перспективе пропавшей,

Замер в молчание присланный город.

И председатель с печалью и болью

Влажными пальцами мял сигарету,

В небо смотрел,

На деревья, на волю:

Хоть бы одну – на погоду – примету,

Хоть бы единую, самую малость —

Неба лоскутик да ветер-Ветрило,

Чтоб убирающим поле казалось:

Временно это,

Чтоб так всё и было.

«Решиться. Тощий скарб упаковать...»

Решиться. Тощий скарб упаковать.
И, наполняя парус ветром свежим,
Купить билет, на долю уповать...
И через жизнь вернуться.
Присмирившим.

И, потирая иней на висках,
С наследниками в шахматы сражаться,
Пить свой кефир и грустно улыбаться
Над притчей об обманных башмаках.

«И проснулся осколок в еловом стволе...»

И проснулся осколок в еловом стволе,
Взвыла цепь у пилы и со свистом распалась,
И брусника дымящейся кровью казалась
В этот утренний час на карельской земле.

И смотрел человек, незнакомый с войной,
На оплывшую лунку на срезе-изломе,
И осколок блестящий катал на ладони...
И молчало болото за дальней сосной.

Не мерещился бой и не слышался крик,
И прошедшего тень меж стволов не кружила,
Было сухо во рту и немислимо было
Каплю-ягоду взять на горячий язык.

«Вечер...»

Вечер,
Ток и пшеница,
И поле в росе,
И уставшее тело, и жажда покоя,
И бессонная птица над сонной рекою,
И поющие шины на дальнем шоссе...

Было...
Память из прошлого вырвет звено.
Почему-то запомнилось... вечер и птица...
Новый август и новое веют зерно,
И сажу до полночи, курю, и не спится...

Юшкозеро

На упреки твои захочу помолчать.
На тесовом крыльце закурю сигарету
И отправлюсь сквозь сосны навстречу рассвету...
Солнца огненный круг
Как большая печать
На развернутом свитке рассветного неба...
Бродит ветер в деревьях, листвою шурша...
Я приму этот мир, словно долго в нем не был,
И обиду, наверно, забудет душа.
И потухнет тоска, что внезапно созрела,
Словно свет фонарей на высоких столбах...
Я у озера встречу седого карела,
Что осокой пропах, и сигами пропах.
Он подарит мне (помнишь!) огромную рыбу!
И с подарком таким, чистый как на духу,
Я вернусь, и не сможешь ты спрятать улыбку...

Хочешь, в город вернемся.
Хочешь, сварим уху.

Тополь

Рос бы клен под окном – вспоминался бы клен.
Но у нас под окошком рос тополь, я помню...
Пара мощных ветвей, толщиной в оглоблю,
Лист зубчатый как серп и, как серп, закруглен.

Здесь, на тополе этом, гнездились грачи,
И на тополе этом скворцы вырастали!
А под осень на нем воробьиные стаи
Принимали рассветного солнца лучи.

Из далекого помнится лучше всего,
Как весенний скворец в ясный день, без усилья,
Запоет, приспустив свои бусые крылья.
И я вижу дрожащее горло его!

И я слышу его, хоть прошло столько лет! —
И заря над илбаном, и снег ноздреватый.
И апрель у дороги. Такой виноватый! —
Прилетели скворцы, а ручьев еще нет...

Там, под топодем этим я вырос такой
В жизнь влюбленный,
И тополь я помню доньне,
И ему поклоняюсь как тайной святыне,
И коры его грубой касаюсь щекой.

И когда тяжело, или просто – печаль,
Я к нему прихожу, словно к старому другу,
И мы души свои поверяем друг другу,
И легко мне, и снова заманчива даль.

Даже в милом краю

Там, где пахнет крапивой
На покатых холмах,
Где беспечно-счастливый
Бродит ветер впотьмах,
У Высокого яра,
Где журчат родники,
Не седой и не старый
Я стою у реки.
Память трогаю...
Помню...
Тридцать лет – как века!
Звезды падают в волны,
И дымится река.
И тогда так же было!
Но туда не дойти...
Мне б дожить до могилы
И с ума не сойти.
Что в том прошлом осталось,
У кого расспросить
Как ту малую малость
Мне во мне погасить?
Что в том давнем такое
В жизнь входило мою,
Отчего нет покоя
Даже в милом краю?

В память о деревне Лукино

Сыну моему Игорю

Шуршанье глухаря и песий лай,
Следы медведя, пятна костяники,
Тяжелых елей сумрачные лики —
И Богом, и людьми забытый край.

Девятый час нам не добыться к дому.
Девятый час чапыжники и мхи,
И водит леший нас по бурелому,
Описывая ровные круги.

Налево ли, направо – всё едино!
Куда бы ни пошли, но путь любой
Приводит к месту, где лежит осина,
Убитая недавно грозой.

Сочится дождь...
Тайга сыра как губка.
И всю бы ночь следить нам за костром,
Когда бы не оплывшая зарубка,
Оставленная давним топором.

Кто здесь ходил, известно только Богу!
И мы пошли, уставшие, сквозь лес

За ним,
А он нас вывел на дорогу...

Легко и просто вывел. И исчез.

Память

...И вдруг нахлынет нечто властное,
Смахнет остывшую золу,
И обнажатся угли красные,
И ты потянешься к теплу,
И мир с обидами и криками,
Который ты уже постиг,
Уйдет,
И малое в великое
Преобразится в этот миг...

«Иуда подошел к осине...»

Иуда подошел к осине...
Следы оплыли на песке...

Мария плакала о сыне
И слезы стыли на щеке.

Не укоряя, не кляня,
Она шептала: «Правый, Боже...»

Две тыщи лет, а как похоже!
Ну, что вам нужно от меня?

«Но ты меня не поняла...»

Но ты меня не поняла,
Хоть был я весь как на ладони,
Тебе бы вырвать из погони
Меня в тот миг.
И все дела!

И оборвал бы я свой бег
Средь бликов солнечных и пятен,
И стал бы сам себе понятен,
И прожил бы спокойно век.

Строгал бы доски, печь топил,
Ходил в кино по воскресеньям
И чай с малиновым вареньем
В субботу после бани пил.

Прошли бы годы налегке...
Но я бегу всё мимо, мимо
И трудный посох пилигрима
Всё тяжелей в моей руке,

И всё длиннее прошлый путь,
И всё весомее тревога,
И не кончается дорога,
И нет надежды отдохнуть.

«Эта белая ночь, фонари и листва...»

Эта белая ночь, фонари и листва...
Петропавловки шпиль низким солнцем подсвечен,
В каждом плеске волны чей-то вздох засекречен.
– Обопрись на гранит и услышишь слова...

Обопрись на гранит, и услышу слова,
И запомню слова, и, Неве доверяя,
На всю жизнь сохраню их и не потеряю.
Разве можно терять, если дарит Нева!

От реки, от мостов, от ограды литой,
Словно в сказочном мире, исходит свеченье.
О, как просто поверить в своё назначенье!
И высокая мысль (этот шпиль золотой!)

Овладеет мечтой и разрубит, как меч,
Все узлы, что завязаны были тобою.
И обрушатся беды житейские с плеч,
И, свободный, готовишься к новому бою.

«Ветры к югу подуют, переломится лето...»

Ветры к югу подуют, переломится лето...
В роще птицы колдуют, песни падают с веток.

Я прислушаюсь с болью к этим звукам невнятным.
Это кажется только, что они непонятны.

Всё в них ясно и зримо. Постою и узнаю
Всю печаль пилигрима по родимому краю,

Про счастливую долю, про грядущую старость...
Носит ветер по полю лепестковую радость.

Травы никнут – достойно! Будет семя ко сроку!
Небу молятся, словно быют поклоны пророку.

Головами кивают, а потом на просушку
Под лучи подставляют с семенами макушку...

Все дороги – по кругу. Семя падает – в землю.
Птицы тянутся – к югу... Я всё это приемлю!

Всё умом понимаю, но душою бастую,
И к себе примеряю эту правду простую.

«Январь, а дождь всю ночь терзает слух....»

Январь, а дождь всю ночь терзает слух.
Зима уже как будто состоялась,
Но – оттепель!
Цепочка распаялась,
Дороги рухнули, и лед на речке вспух.

И всё так некрасиво стало вдруг, —
И темный лес, и черные канавы,
И домик у забытой переправы,
И с пятнами стогов раскисший луг.

Открывшейся земли неровный круг
Как первая весенняя разминка,
И в том кругу зеленая травинка
Как радостный и непонятный звук...

«Веселый проселок – ухабы и кочки...»

Ц.

Веселый проселок – ухабы и кочки,
Шуршанье волны на остывшей земле,
На мокрых деревьях уснувшие почки
И свет электрички в ноябрьской мгле.

Нетронутый вечер.
И тише и глуше
Доносятся звуки. А нам всё равно...
И маются наши горячие души,
И счастливы мы, что так рано темно,

Что вечер еще впереди как страданье,
Что жажда сильна, не насытит ее.
Ну, что ты мне скажешь в мое оправданье,
И что я скажу в оправданье твое!

...А жизнь, я, конечно, согласен, капризна,
Как черные крылья – молва да хула.
Но только любовь никого не унизила.
Возвысила?
Да!

И сожгла ... и спасла ...

«Век живу и век пытаю...»

Век живу и век пытаю
Прокуроров и судей:
По-над пропастью, по краю
Что ж мы гоним лошадей?

Хватит света нам и жара!
С двух сторон палить свечу
Опрометчиво, пожалуй.
Я так вовсе не хочу!

Пусть любая сторона —
Та ли, эта. Но не обе.
Нам подарена она
В добрый час, а не по злобе.

Нам с тобой ее зажечь,
Насладиться чистым светом
И от глаз дурных при этом
Обязательно сберечь.

«Я, конечно, восстану из пепла...»

Я, конечно, восстану из пепла...
Только главное в жизни моей,
Чтобы ты от любви не ослепла,
Этой яростной новой твоей.
Для меня это рана и рана!..
Я ладоней касаюсь твоих
И грядущее – как из тумана,
Где не видно тропы для двоих,
Только узкая стежка по краю,
Только зыбкая тень на ветру,
Где трепещет костер, догорая,
И никто не подходит к костру...
Вот такая элегия, лада,
Но когда допишу, допою,
Ты исчезнешь, грядущему рада,
И оставишь меня на краю,
Над обрывом...
Но в памяти снова
Ты мне явишься – память жива! —
И, услышав приветное слово,
Ты горячие скажешь слова...
– Помнишь? – Помню...
– Ты рада ли? – Рада!..
– Как тебе на другом берегу?..
Может быть, ты та самая правда,

Что уже я найти не смогу.

«Я смотрю в твои окна. В них темно и тревожно...»

Я смотрю в твои окна. В них темно и тревожно.
Словно вымерли в доме – ни тепла, ни свечи,
Только ветер гудит, завывая острожно,
Да о жёсть подоконника тополь стучит.

Ни звезды, ни луны, лишь метель до рассвета.
Забусило тропинку, следы замело...
Умирает любовь.
Умирает планета,
Всё, что с нами – с тобою и мною жило.

Неужели так мало отпущено было!
Словно яркою вспышкой всё сожжено...
Я живу как слепой. Что меня ослепило?
Кто излечит меня, если в окнах темно?

«Ты мое сухое дерево...»

Ты мое сухое дерево.
Поливаю – хоть бы ягодка...
Я приму решенье смелое
Не на час-другой, а надолго.

Заберусь в купе плацкартное,
Растворюсь на синем глобусе,
Пусть в конце – олени с нартами,
Пусть тропа по краю пропасти.

Всё едино!
Только верю я:
Ты поймешь и крикнешь с силою
Мне вдогонку: «Ох, и стерва я!..»
Только поздно будет, милая.

«Что-то сны нехорошие...»

Что-то сны нехорошие...

Может, это зима
Замела, запорошила,
Запуржила дома.

И безликая белая —
Ни следов, ни души —
Жизнь стоит оробелая
В этой тихой глуши.

Лишь синицы (от голода?)
Залетают сюда,
Да от лютого холода
Чуть гудят провода.

Только в лучшее верится
С каждым днем, с каждым днем,
Всё пройдет, перемелется,
Проживем, доживем!

Будем рады, наверное,
Первым звукам весны...
Сны не очень уж скверные,
Так, обычные сны...

Из детства

Клубники полно на любом кособоре.
Высокое небо. Высокие зори.
Высокие птицы в безоблачной выси.
Ни капли печали. Прекрасные мысли...

Всё так и запомнилось – поле и речка,
И бой коростеля, и песня кузнечика,
И я – вдоль обрыва – ногами босыми —
По теплой земле
В самом центре России...

«Люблю мятежный гул январской вьюги...»

Люблю мятежный гул январской вьюги,
Когда шумит и воеет в деревьях,
Когда в печи гудит огонь в дровах
И ни одной души во всей округе.

Вот это да!

Лишь тикают часы,
Отстукивая жизнь бесстрастно строго,
Да ветры среднерусской полосы
Метут снега и воют у порога.

Поэзия!..

Но рядом нет тебя,
Ни голоса, ни взгляда, ни намека
На то, что я без страха и упрека
Живу, о нашем будущем скорбя.

А в настоящем – третий день пурга.
В окне теснятся птицы, как поверья.
Им злые ветры раздувают перья,
Их остро жгут колючие снега.

Им не сумеет пристроиться к стеклу,

Не удержаться на оконной раме.
Уносит их в заснеженную мглу,
И некому помочь им в этой драме.

Не так ли и меня сорвало и несет.
И устья нет, и не видать истока.
Ну кто меня отыщет, кто спасет?
Ни голоса, ни взгляда, ни намека...

«Очень верю, что получится...»

Очень верю, что получится.
Но на этом берегу
Нам еще с тобою мучиться,
В этом я тебе не лгу.

Нам еще с тобою маяться,
Быть самими и не быть,
И мосты сжигать, и каяться,
Ненавидеть и любить.

Удивительное варево!
Зла не меньше, чем добра.
Полыхает жизни зарево,
Прожигает до нутра,

Козырными ходит картами,
Рвет петельки у рубашек
И кончается инфарктами
С пузырями на губах...

«Мне сорок два. Как скверно я живу...»

Мне сорок два. Как скверно я живу...
Какая это мука – ежедневно
Душою понимать, что всё неверно,
Что это всё – во мне и наяву.

Я руку протяну и прикоснусь,
И содрогнусь, от ужаса немея,
Всё выпукло и зримо, как камень,
И закричу,
Но крикнуть не умея,
На прошлое поспешно оглянусь.

А в прошлом вера и умение ждать.
Не просто вера, а такая вера,
Что всё пройдет, придет иная эра,
Ведь должен быть предел, должна быть мера...
Вот там мы научились побеждать!

Я и сейчас сквозь прошлое бегу.
Я не обучен нынешнему веку.
Мне сорок два...
Легко ль с обрыва в реку!
Но я ведь ждал.

Я прыгаю с разбегу...

Ну, как вы здесь, на новом берегу?

«**Вся страна, обезумев, читает...**»

Вся страна, обезумев, читает.

Ей чего не хватало – хватает!

Не до жиру, а так, понемногу.

Понемногу – и то, слава Богу!

А ведь было...

Да ладно про это.

Каждый верил в возможность рассвета.

Твердо верил.

И вот – рассветает!

И страна, обезумев, читает.

«Прилетела синица...»

Прилетела синица,
Постучала в окно.
Ей, синице, не спится,
Ей совсем не темно.
Может, с весточкой кто-то,
Может, чья-то душа
Ищет очень кого-то,
Средь потемок кружа?
Может, я на примете,
Может, это за мной?..

Все бывает на свете.

...Шар качнется земной,
Захрипит электричка,
Поскользнусь, упаду...

Что ж ты, малая птичка,
Мне пророчишь беду.

Вятский Икар

Преданье помнил и в Дедала верил.
И по ночам, когда уснет село,
Задрнув шторы и защелкнув двери,
Он мастерил из дерева крыло.

С женой ругался, враждовал с властями...
Пять лет назад (тот подвиг не забыт!..)
Свой первый взлет он оплатил костями,
Поверил в гипс и в то, что полетит.

Он полетит!
Вы только дайте время,
Да не мешайте воле и уму,
А он потом поделится со всеми
Тем чудом, что откроется ему...

И стружкой дымилась мастерская.
И был он весь и светел, и велик.
Упрямец!
И лицо его сияло,
Как у Икара в тот прекрасный миг.

«Я этапом не шел сквозь мороз и пургу...»

Я этапом не шел сквозь мороз и пургу.
Финский снайпер меня не прошел на снегу.
Я не падал на дзот, он заглох до меня,
Мне от жарких боев не досталось огня,
Не достался Афган
С серым пепелом камней...
Я не знаю, зачем мы вошли в ту страну.
Пишут наши газеты про наших парней,
Мало правды в газетах про эту войну.

Сын подрос у меня. Тень усов над губой.
Мне бы с ним на два года махнутья судьбой!
Я согласен свой кров поменять на Афган,
Если мне сорок два, разве страшен душман?
А пацан пусть живет. Пацаны не при чем.
Выводи из Афгана войска, Горбачев!

Это можно и нужно,
И нужно – скорей,
И тебе воздадут сотни сот матерей.
Смерть любого из нас – боль для нашей страны,
Но больней во сто крат, если гибнут сыны...

Их увозят из дома в мечтах и мольбах,
Их привозят назад в герметичных гробах.
Каждый цинковый гроб как бесстрашья пример,
И на каждом клеймо – «made in USSR...»
Вот покончим с бездарной войною – клянусь! —
Все дела отложу, в Божий храм поднимусь,
И, гася метроном в воспаленном мозгу,
Михаилу Архангелу свечку зажгу.

«Мы битый час не можем столкнуться...»

Мы битый час не можем столкнуться:
Прощать или карать – возник вопрос
Сначала в шутку, а потом – всерьез...
Нам было бы спокойней не встречаться.

Всё про Христа, всё про его величье...
Но есть сомненье, чем не удивлю —
Христос, конечно, парень симпатичный,
Но кто Иуду затащил в петлю?

«Солнце в окна, зуд по коже!..»

Солнце в окна, зуд по коже!..
Каждый день одно и то же —
Газ, кастрюли... Громко, нервно.

Это, друг, еще не скверно,
Я скажу тебе верней —
Есть места, куда скверней.
Не уехать, не умчаться...
Сослуживцы. Домочадцы...

– Кофе? Чай?..
Да нет, не надо,
Мне бы лучше чашку яда.

«Нам сказали, что он нехороший...»

Нам сказали, что он нехороший,
И словесной отвесной порошей
Заровняли всё, запаковали.
Мы к нему проберемся едва ли.
И тогда закричали кликуши...
Да услышит имеющий уши!
Да увидит имеющий очи!..
Это было уже после ночи,
После той сумасшедшей и страшной,
И вчерашней и позавчерашней.
«На огонь!» – закричали.
«На площадь!..»
Но никто не бастует, не ропщет.
Удивительно всё. Как в тумане.
Как в стране, где обман на обмане,
Где приучены к боли и травле,
Где слова заржавели и сабли.
На костер возвели, жечь пытались,
С факелами во мраке возились.
То ль сырыми дрова оказались,
То ль слепые глаза их слезились...
Развязали его, отпустили,
Но не верил никто, что простили.
Он пошел, не казнен, не оправдан,
По дороге меж ложью и правдой,

Где всеобщие наши печали
Как взведенные мины торчали.

Казарма

И всё же каждому свое...
И я, блуждая по планете,
Сумел спустя десятилетия
В глухой тайге найти ее!

Пустые окна, двери сгнили,
Гнилое мохом поросло.
Но всё равно под слоем гнили
Она хранит мое тепло.

Ведь, повинуюсь жизни строгой,
В далеком памятном году
Я жил дневальным на посту
Здесь возле тумбочки убогой...

.....

...Мы спим в два яруса. Стеною!
Как? – низкоросла и мала —
Казарма эта в два крыла
Три роты уместить смогла
Со всею музыкой ночью?..

Дежурный прокричит тревогу.
Секундомер нажмет «старлей».

Сквозь топот ног и лязг дверей
В мозгу поет сверчок «скорей!»,
И смрад ночной течет к порогу.

И мы бежим, гремя железом.
Молчат хранилища. Темны...
Задраены, затворены
В проемах каменной стены
Под толстым каменным навесом
Контейнеры.
Их четок ряд!
Тележки – дышла строго набок! —
Чуть поддомкрачены. На лапах.
И медленных нейтронов запах
Отбрасывает нас назад.

Я помню этот кислый дух!
Моя казарма... Наша рота...
О как мне в прошлое охота!..
Через тайгу, через болота
Иду и напрягаю слух.

Тайга молчит, горчит брусника.
...Лишь местный житель иногда
В ответ кивнет: «Ну, да, ну, да...»
Они скупы на речь всегда,
Попробуй их разговори-ка...

«Каждый выберет сам дорогу...»

Каждый выберет сам дорогу,
И к дороге примерит посох,
Своему поклонится Богу
И в своих омоется росах.

Сотворит себе сам жилище,
Сам с дороги своей собьется,
И врага себе сам отыщет
И из чаши его напьется.

Содержимое чаши – ало.
Сатанинская светит сила...
Видно, жизнь меня охраняла,
Коль не до смерти напоила.

До чего же хмельна отрава.
Но судьба отвела от Бога.
Ни налево мне, ни направо —
Только прямо моя дорога...

И стучит о дорогу посох,
Устают, затекают ноги,
А мелькающих безголосых
Сколько шастает по дороге!

Чуть сверну – подойдут проворно,
Коротка будет их расправа...
Содержимое чаши – черно.
Ни налево мне, ни направо.

Если всё же душа застонет,
И закружит, как не кружило,
Разве яд меня остановит,
Подведет станова я жила?

«Проверка: кто за перестройку?..»

Проверка: кто за перестройку?
Сдаем экзамен... Тот – на тройку,
Сосед на двойку,
Друг на минус...
Меня экзаменатор вынес!
Он не дослушал мой ответ.
Я говорил – возможна драка...
Он головой качнул – «однако»,
И предложил вернуть билет.

Не понял он мою печаль.
А жаль.

Не мог он знать, что вечерами
Я слышу ясно за ветрами
Как сквозь завесу дрязг, обид
Во тьме ружейных пирамид,
Привстать пытаясь на носки,
О чем-то шепчутся курки.

Я был в строю.
Имею опыт.
Я понимаю этот шепот.

«В твоей душе живет полкан...»

В твоей душе живет полкан,
А я зверей боялся с детства,
Как чуть позднее – фарисейства,
И как сейчас пугаюсь действия,
Где цедают радость по глоткам.

Как будто запалют свечу,
Прикроют доступ кислорода,
И пламя – язычок уroda —
Под осуждение народа
Едва мерцает:
– Жить хочу...

Гори, свеча моя, пылай!
Да хватит воздуха и воли.
Не уступлю ни капли боли —
Она моя! И лучшей доли
Мне в мире этом не желай.

Живу, о будущем скорбя...
Не потому ль в аллее сада
Вновь манит шорох листопада,
Но я шепчу себе: «Не надо...»
И отрекаюсь от тебя.

Из сердца вырываю вон!

Как хорошо – опять на волю!..

Но падают слова невольно:

«Как больно, Господи, как больно...»

Ужели это всё не сон?

«Это – как в пропасть!..»

Это – как в пропасть!

Распахнуты крылья...

Дни, будто ночи, и ночи, как дни.

В замкнутом круге смешались они...

Славный полет.

Никакого усилья.

Что же нам души тревожит и мучит?..

Пропасть всё глубже, туманнее мгла.

Слышишь – как холодом студит тела?

Кто нас найдет и спасенью научит?

Ленинград – Ташкент – Кабул

*...И ставлю многоточие
На полуслове гаснущей свечи.*

Антон Балакин

Прожектор под крыло и... мимо.
Смерть отложила торжество.
Прожектор ищет серафима
И стингер ждать устал его...

Примерил выпускник погоны...
О, эти грязные вагоны!

Уже домой вернулась мама.
В ночи растаял Ленинград,
И ночь как долговая яма
Заглатывает всё подряд.

Летит состав в ночную тьму
И дела нету никому.

«Подписано и с плеч долой...»
Спит дома военком в кровати,
А рядовой, как на полати,

На эту жизнь ничуть не злой,
Лежит на полке, школа мнится,
И рядовой не спит. Не спится...

А стингер ждет и носом хищно
Обнюхивает небеса.
Прожектор вылупил глаза.
Радар мерцает. Тоже ищет...

Горбатый ИЛ, гремя крылами,
Идет, прикрытый облаками.

У ИЛ-а в брюхе лейтенант,
И горсть солдат (из-под присяги)...
Ударил хищник, нету тяги,
И распахнулись двери в ад.

Кому-то в ад, кому-то в рай,
И... выбирай не выбирай...

В метро

Шея длинная, в мочках золото,
Там, где ямочка, свет души.
Вы, простите, не Нефертити,
Больно очень уж хороши!

Я всё это, конечно, мысленно,
Я ж не тать, не наглец, не вор,
Но хотелось бы очень пристально
Синеву рассмотреть в упор.

Что в зрачках – холодны, охочие,
Жажда пропасти, иль темно?
Были всякие, даже очень уж,
Египтяночки не дано.

Ленинградочка, россияночка,
Настоящая египтяночка!

То ли мысль ей моя понравилась?
Что ж, приличная мысль вполне,
Посмотрела, слегка слукавилась,
Ей понятно и ясно мне.

– Проводите...
А мне ж охота.

– Помогите...

А мне ж не лень!

Что – работа? Плевать – работа!

Нефертити не каждый день...

Размечтался...

Но двери порскнули,

Нефертити пошла домой,

В пирамиду свою... с авоськами,

С хеком, с курами...

Боже мой...

«Есть связь в словах – “иуда” и “идея”...»

Есть связь в словах – «иуда» и «идея».
«Иудин поцелуй», «идейная печать»...
Всё зачеркнуть и заново начать!

...Иуды нет. На коммунизм надея
Еще мертва...
Жирует зверь в логах,
Ломают гунны южную границу,
Обходит фараон свою гробницу,
А на Семи Холмах лось мечется в снегах.
Церковный звон?..
Еще не слышно звона,
Еще Перуна славят и поют,
Ни КГБ, ни СОБРа, ни ОМОНа,
И деньги не печатают – куют...

«Как мне дороги эти ночные часы...»

Как мне дороги эти ночные часы:
Десять строк – до зари, пять минут – до грозы...
О косые изломы!
Окно распахну,
Пусть приходит гроза, я уже не усну.
Заклокочет вода, затрепещут кусты...
Ветер с запахом гари и пыльной версты
Распахнет занавески и словно щенок
Все обшарит углы и свернется у ног...

«Средь распада и лжи...»

Средь распада и лжи,
Где ничто не виной,
Я пошел бы в бомжи —
Пустота за спиной!

Ночевал бы, где мог,
Был на «ты» с анашой,
Но зато, видит Бог,
Не кривил бы душой.

Что подумал – сказал,
Да, так – да, нет, так – нет.
Жизнь – огромный вокзал.
Каждый третий – поэт!

Север лучше, чем юг,
И совсем не жесток...
Запад – это каюк,
И не лучше – восток!

«И жить, всё это не любя...»

И жить, всё это не любя, —
Вот наказание, вот пытка.
Скажи мне, добрая улитка,
Как защищаешь ты себя?

Но я ведь тоже вещь в себе,
И тоже панцирь свой имею,
А защититься не умею
Ни при гульбе, ни при пальбе.

Уж если пью, то откровенно,
А если бью, то наповал.
Но и убитый, я вставал
Хотя бы на одно колено...

И снова я в крови, в земле,
Но слышу, слышишь ли, улитка,
Как жизни ветхая калитка
Поскрипывает на петле.

«Звезды падают в реку и гаснут в реке...»

Звезды падают в реку и гаснут в реке,
И лежат в глубине на камнях, на песке.

Я стою на обрыве у кромки воды,
Что я вижу – звезду... отраженье звезды?..

Не шучу. Я, ей-богу, давно не шучу,
Вот живу и в себе разобраться хочу.

Что я? Свет, отраженье, осколок звезды?..
Ночь, река и всего два шага до беды.

«Пропела труба и роса засверкала!..»

Пропела труба и роса засверкала!
Окно распахнул, за рекою светало,
Щеколду привычно рванул у двери,
И – полные легкие алой зари!

Мой Бог, до чего же всё это красиво!
Обжегся росой и – птицей! – с обрыва!
Хрустальным стеклом раскололась река,
Хрустальной волной окатив берега.

Я звона не слышал, я чувствовал тело...
А что же душа?
А душа не хотела.
Она бастовала с утра, как всегда.
Ну, что ей хрустальная эта вода?

Молитва

То ли рок на роду, то ли выпала честь
И себя написать, и собратьев прочесть.

Но всё больше читаю, всё меньше пишу,
И всё чаще ночами покою прошу.

– Над рекой ли моей, Тоской,
Подари мне, Господь, покой,

Чашей горькою обнеси,
И меня от меня спаси...

«Не смотри, что я малого роста...»

Не смотри, что я малого роста,
Что живу удивительно просто —
Я такое с тобой сотворю!..
Хочешь, дом разверну на зарю!

Вот однажды проснешься, отрада,
Дом на солнце развернут как надо!
У порога хрустальный ручей,
В каждой створке окна – сто лучей!

Если будет и этого мало,
Я – пока еще солнышко ало —
К полушалку рассвета вдали
Побегу хоть до края земли.

И не горько мне будет, не жалко
Оторвать от того полушалка,
И в дому от тебя до двери
Раскатать этот свиток зари!

Ты проснешься и крыльями птицы
Удивленные вспыхнут ресницы,
И в дому осиянном таком
Ты пойдешь по заре босиком!

И душа у тебя встрепенется,
И поймешь: это счастьем зовется,
И в начале огромного дня
Ты улыбкой одаришь меня.

Ну, а большего мне и не надо,
Лишь бы ты была рядом, отрада,
Лишь бы дом обходила беда,
Лишь бы ты улыбалась всегда.

«То ли воздух дурманит лесной...»

Л.

То ли воздух дурманит лесной,
То ли жажда, что пить – не напиться?
Это надо же так заблудиться
Нам с тобою под этой сосной!

А сосна до небес. Высока!
А вверху журавлиная стая...
А трава-то, какая густая!
Облака-то, смотри, облака!..

Вот бы головы в них окунуть,
Вот бы сбить это жаркое пламя!..
Что ж ты, Господи, делаешь с нами?..
Но уже не уйти, не свернуть.

«И нежность рук, что нет дорожке...»

И нежность рук, что нет дорожке,
И все слова – до одного! —
Мне говорят, что я хороший,
И мне печально от того.

Летела жизнь, и... пролетела,
Как ты, подковками звеня.
Куда ж ты, милая, глядела,
Мелькая около меня?..

Ермак

Навострили бердыши.
Ткнули лодки в камыши.
Осмотрели степь – гола.
Ханская луна светла.

Стань на страже часовой!
– Этот панцирь золотой
Снять бы на ночь. До врага,
Если прямо, два шага!

Он не слушает меня.
Подвожу ему коня.
Подгоняю стремяна...
– Лодка лучше скакуна!..

Ханские стрелки метки.
Сабли их не коротки.
Хоть и вольно бердышам,
Не пробиться к камышам.

Холодна в реке вода,
Но не в холоде беда,
И не страшно, что темно.
Тянет золото на дно...

Перемяли камыши,
Потопили бердыши...
Хан, ликуя, в тишине
Молча молится луне.

Бесево

Бродит мысль, от которой невесело,
От которой живу как чумной...
В детстве мы белену звали – бесево.
Видно, правда. И что-то со мной

Сотворила та травка поганая...
По канавам, среди лопухов,
Разрослась сумасшедшая, пьяная...
Если б знать, что дойду до стихов!

Если б кто подсказал – Что ты делаешь?
Когда я с этой травки в цвету,
Обрывал граммофончики белые —
И приятно сладило во рту.

И теперь всякий раз поздним вечером,
Когда в окна заглянет луна,
Мне такие картины мерещатся,
Что не знает и сам сатана.

И, обученный слову и грамоте,
Я, листы свои кровью кропя,
Вынимаю такое из памяти,
Словно сам ухожу от себя.

То, как птица парю в невесомости,
То лечу за крутой перевал,
То срываюсь в бездонные пропасти,
Где никто до меня не бывал.

Но куда ни пойду, что ни делаю,
Я всё вижу и вижу сквозь тьму —
Рвет дитя граммофончики белые,
И никто не подскажет ему...

«Мы во сне откровенны как малые дети...»

Мы во сне откровенны как малые дети.
Я, к примеру, скандален, драчлив и люблю
Отдышаться во сне. Но проснись на рассвете
И опять в скорлупу залезаю свою.

В скорлупе, как в надежной броне,
Я качусь по огромной стране,
Сквозь ресницы взирая на Русь.
Не скандалю ни с кем, не дерусь.

Мне такое порой подсмотреть удастся!
И душа, что казалась глуха и слепа,
Вдруг прозреет, и слух обретет, и взовется,
И с меня, словно плесень, сползет скорлупа.

Я без кожи, как зверь на крюку,
Волны боли катятся к виску...
Не скандалю ни с кем, не дерусь,
Понимаю – великая Русь!

Я всю эту печаль понимаю с пеленок,
С тех апрельских проталин, когда на заре
Мы корову комолую, я и теленок,

Чередуясь, доили на нашем дворе.

И текло молоко по губе,

По рукам, по груди, по судьбе...

Не тогда ли, смысленный пострел,

Я любовью к словам заболел?..

«Мне казалось, что если окончатся сны...»

Мне казалось, что если окончатся сны,
То есть, если подножье кургана осилить
И подняться на холм, то мгновенья весны
Хлынут стрелами в грудь, и, конечно, навывлет.

Я считаю, что если из стрел хоть одна
Будет чем-то отлична, то – от Купидона,
Потому что по городу бродит весна,
Потому что есть Анна, которая донна.

Если так, то зачем же сидеть одному?
Сны окончены. Сдвину плотней занавески,
И надену кроссовки, и тогу возьму,
И на холм поднимусь, в смысле выйду на Невский.

И меня сотни стрел продырявят всего,
Купидоновы тоже, ведь бьет без разбора,
Если так, то плевать на десницу того,
Кто известен со школы как месье Командора,

Потому что нет денег, и хочется жить,
Потому что апрель, потому что – погода,
Потому что часы у заветного входа

Крутят вектор по кругу и надо спешить.

«Говорил мне дядя Вася...»

В.Т., с горечью

Говорил мне дядя Вася:
– Ты Володю опасайся!
Вова с виду простота,
Только сука еще та.

Дядя правду рассказал.
Вова шибко наверзал...
Я хожу, смотрю на суку,
Не подам я суке руку,
Мне такое не с руки...

Пусть гуляет без руки.

Диалог

«... Собаки отвоюют?»

«Собаки? Отвоюют...»

«И тризну устроят?»

«И тризну устроят...»

«И пьяные будут?»

«Конечно! И драки,

И черти завоюют, не то, что собаки...»

«А холм будет желтый?»

«А крест будет белый?»

«Ну, что ты заладил,

Собрался, так делай!

Совсем задолбал, третьи сутки пытаешь —

Обмоют, отвоюют?..

Умри и узнаешь...»

«А всё же?»

«Да что ты! Всё будет как надо:

И холм, и собаки, и крест, и ограда,

И кузов, обмотанный тряпкою алой.

Не веришь?»

«Нет, верю...»

«Согласен?»

«Пожалуй...»

Стансы

Видна Белухи снежная вершина.
Сломалась патефонная пружина.
Петух пронесся – гребень на боку,
И крыса топает, как конь, по чердаку.

Какая связь? А шут ее поймет.
Жизнь удалась, но все-таки не мед,
То лезу в грязь, то в очередь каку...
А крыса топает, как конь, по чердаку.

Какая связь? А вот пойдн, пойми...
И кто поможет в этом, черт возьми!
Кто виноват?..
Стучится боль в виске...
И крыса топает, как конь, на чердаке.

Какая связь?.. Семь булек на стакан.
А крыса... Черт!..
Поставить, что ль, капкан?
Так обойдет же пройда, потому
Что на Белухе маковка в дыму.

К тому же патефон.... Когда б играл!
Когда б петух так сильно не орал,
Не кавардак бы, не барак-бардак,

Она б попалась, так ее растак...

«...И теснота, и дымный воздух...»

Ю.П.

...И теснота, и дымный воздух,
И суп, настоящий на звездах,
Что из пакета высыпал
Давным-давно, до нашей эры...
Какие все-таки химеры
Когда-то в голове таскал!

Теперь они ушли. Распались.
О чем мы в детстве волновались?
И волновались ли вообще,
Вдыхая горький дух столетья
Ушедшего, где каждый третий
В китайском жестяном плаще

Был так прекрасен и огромен,
Что в суете каменоломен,
Спиной повернутый к штыку,
Отец Панфиленко Юрана
Жевал тайком цветки бурьяна,
Катая тачку по песку.

Пока жевал, Юран стал взрослым...
На сухарях да масле постном,

Без простыней и без ковров,
На самосадовой отраве,
Как лопухи в чумной канаве,
Мы вырастали – будь здоров.

И просто странно (вот как странно!)
Среди дурмана и обмана
Мы, жившие в эпохе той,
В фуфайках и кирзе змеиной,
Подбитой шинною резиной,
Задерганные криком «стой!»,

Сумели как-то отмотаться
И раскрутиться, и остаться.
Зачем?
Чтоб в той же борозде
Брести, вдыхая тот же воздух,
И той же ложкой те же звезды
Помешивать в крутой воде...

«Я на жизнь гляжу – дивен белый свет...»

Я на жизнь гляжу – дивен белый свет.

Я вино не пью, потому что нет.

А найду вино – не найду рубля,

А найду рубля: цены – ох ты, мля!

Вот и кажется, что живу давно.

Строю новый дом, завожу бревно,

Горбыли тещу, забиваю гвоздь.

Жигулевским пивом пропах насквозь!

Весь июнь жара и июль жара.

Погорел чеснок, огурцам пора.

На горохе хруст, на картошке хруст —

Колорадский жук наплевал на dust.

И цветы жует, и листву берет.

Я так думаю, что и нас сожрет...

На коньке сижу, вывожу трубу.

А сейчас прохладно, поди, в гробу!

Отоспаться бы, полежать два дня.

Пусть поплачут бабки вокруг меня.

Я б лежал тихой, было б видно мне

Как сосед подлец пристаёт к жене.

Не стыдится гад, смотрит мне в лицо.

Погоди, просплюсь – оторву яйцо.

А еще верней – оторву все два...

На дворе трава, на траве дрова.

Солнцем выжжены. А дожди пойдут —

И сенам хана, и дровам капут...

Как свеча труба, любо ей самой.

Из прямой трубы будет дым прямой!

«...И усы у осы, и клешня у жука...»

...И усы у осы, и клешня у жука...

Неужели есть в мире такая тоска,

Чтоб козявку иглой ювелирно суметь

Проколоть, а потом засушить и смотреть?..

«Горжусь, что живу в этом городе красном...»

Олегу Левитану

Горжусь, что живу в этом городе красном,
Где столько поэтов, поющих о разном,
Шагающих в ногу, бегущих гуськом,
Союзноживущих, но – особняком.

Стоящие рядом, бегущие мимо
С судьбой пилигрима и пластикой мима,
Поющие соло, берущие «си»
От «радуysi, Боже» до «Боже, спаси».

Но мне в этом сонме жующих, бегущих,
Гадающих дни на бобах и на гущах,
Владеющих формами вплоть до рондо,
Конечно, по нраву берущие «до».

Берущие крепко, надежно, надолго,
Не только во славу отчизны и долга,
И не для того, чтоб отправить ко сну...

Так плотник топор загоняет в сосну!

Вот вижу поэта.

Вот плюнул на лапу.

Вот рубит такие хоромины «в лапу»!

Бревно заведет, в небеса поглядит...

И слышно как ветер в стропилах гудит!

«Сторона ль моя, сторона...»

Сторона ль моя, сторона,
От больших дорог в стороне
Не могу понять без вина —
Это явь или снится мне.

Кто-то мне обещал покой,
Кто-то счастье мне обещал...
Жду, пожду да махну рукой,
И припомню, как дед вещал:

«Собираясь в далекий путь,
Позабудь про уют-покой,
И про счастье свое забудь,
Нет его над Тоской-рекой.

Над рекою Тоской тропа...
А уж выпадет ли судьба?...»
Я в слова его не вникал.
Белый хлебушек в мед макал.

Ох, и сладок июньский мед!
И славна белым хлебом Русь!..
А сентябрь-то, он рядом, вот,
Два шага и рукой коснусь.

Истончилась тропа на нет.
Перешла река в пережат...
Мне-то думалось – что рассвет,
Оказалось – уже закат.

«Судьба, кого благодарить...»

Судьба, кого благодарить
За то, что, подбирая слово,
Я превратился из глухого
В умеющего говорить?..

«Луна всё сильнее по ночам колобродит...»

Луна всё сильнее по ночам колобродит,
Всё ниже гусей перелет,
И снег голубыми пластинами сходит
К реке и вздувается лед.

Просторные га с каждым часом духмяней,
В подворье такой разнбой,
Что курам петух представляется няней,
Ведущей их на водопой...

Я окна раскрою, пусть ветры влетают,
Пусть слушает алый рассвет,
Как в радио кто-то с трибуны гадает —
Нужна нам земля или нет...

«Так медленно рождался снег...»

Так медленно рождался снег,
Что думали – и не родится,
Что нам опять в плащи рядиться
От влаги ладог и онег.

Но так была зима ловка!
Она, не бряцающая оружием,
Бесшумная, прошла по лужам,
Ведя в поводьях облака.

И было любо ей самой
Их распороть ножом умелым,
И город стал настолько белым,
Как это можно лишь зимой.

И всё! А я здесь не при чем,
Я просто смог без проволоочки
Увиденное вставить в строчки, —
В шестнадцать строчек ни о чем.

«Ах ты, серая мышка...»

Н.З.

Ах ты, серая мышка,
Меж ларей не кружись,
Не от сердца одышка,
А от страха за жизнь.

Если б корочку хлеба,
С сухарями суму,
То не нужно и неба,
И друзья ни к чему...

Ночлег

На вопрос – кто там?
Пошучу – «Агдам...»

И откроют дверь: «Это что за весть?»
И скажу: «Не зверь... Мне б поспать-поесть».

«Проходи, хоть кто...» А в избе жара.
Старику под сто и сама стара.

Стол – бела доска. Чаю выпили.
За окном тоска – волчья, выпья ли!

На дровах слеза. Лук-севок в чулке...
И всю ночь гроза бьет язей в реке.

Только их одних вдоль хребта-спины.
Не с того ль у них плавники красны...

На заре проснусь, прошепчу слова:
«Ой, светла ты, Русь, что ж несчастлива?..»

«Подходит конец сумасшедшей стези...»

Подходит конец сумасшедшей стези...
Был выдох намного протяжнее вдоха.
Смотрю за окно – ковыляет эпоха
С потертой сумой по колено в грязи.

А как на заре громыхала в литавры,
Прошита сквозною вселенской тоской,
И – с саблями к солнцу! – орали кентавры
В степях,
Отзывалось за Леной-рекой!

И вся, перекрытая гулом и гамом,
Страна хохотала на злом вираже.
С ворьем подружилась, поладила с хамом...
Смотрю за окно – поддыхает уже...

«Тот – про любовь...»

Тот – про любовь.

А тот про хлеб.

Читаю, но вижу.

Слеп.

А здесь прочту строку.

Одну.

И сразу вижу всю страну.

«Шелковичный червяк, запечатанный в кокон...»

Шелковичный червяк, запечатанный в кокон...
Раскручу эту жизнь, и слеплю из неё
На гончарном кругу с лебединым высоким
Тонким горлом, кувшин.
С удивительным соком!
Отхлебну через край и познаю её.

Что здесь больше – печального, горького, злого?
Привкус мёда иль запаха тлена найду?
Что мне нужно для счастья, какая основа?..
Но замешана глина для круга иного —
Я леплю саманы, и на солнце кладу.

Я шагаю по кругу. Летает полова.
Для основы солома едва ли годна,
И кружится над степью и падает слово,
И сжимает круги, и взвивается снова,
И от слова душа, как от браги, хмельна.

А уже за рекой в поле вызрели травы!..
И на круге вокзальном стоит суета.
И гудок паровоза тягучей отравой
Входит в жизнь, и уже за мостом-переправой

Размыкается круг и стальная верста,

Словно лестница в небо, ложится под ноги...

Вот и кончилась юность, и пыль улеглась!

Я леплю эту жизнь, подбиваю итоги...

И пестреет судьба.

И звенят вдоль дороги

Родники, от которых испробую всласть.

«Ощущая, что детство уходит навек...»

Ощущая, что детство уходит навек,
Понимая, что старость черна и беззуба,
Я за ласточкой в небо поднялся из сруба,
И увидел простор, и рискнул на побег.

Помню – ночь серебром заливала просторы,
И немые курганы татарской ордой
Залегли у костров, отраженных водой,
И смотрели на запад, и прятали взоры.

Только мне удалось подсмотреть в их глазах
Тягу к долгим кочевьям и жажду погони...
О, веселая жизнь на скрипучих возах!
Здесь рифмуется то, что мне нравится.
Кони!

Но мне рифма еще неизвестна на вкус.
Я кружусь в разноцветном кочевничьем стане,
И слова, что рождаются в створе гортани,
Зелены, зелены.
И змеиный укус

Той, жестокой, которая Музой зовется,

Поджидает меня где-то там, за холмом,
Но еще я об этом – ни духом, ни сном...
Только сердце замрет и тревожно забьется.

«Шелка шуршат ненужною обузой...»

Шелка шуршат ненужною обузой...
И освещает лампа круг и миг,
Где я стою, как зверь, с гипотенузой
Из первой четверти декартовых прямых.

...Отличный угол!
Тангенс – единица...
Луна блудливо шарит за окном
В сто тысяч глаз.
Ее ли нам стыдиться!
Бокал налит и пенится вином!

Звонящая бунтующая влага,
Взрывающая в жилах кровь мою!
В любви, как и в бою, нужна отвага,
И я клинок отважно достаю,

Чтобы тебя, привыкшую молчать,
Красивую, бегущую по кромке,
Достать губами и сорвать постромки,
И научить кричать.

«Нас разведут, как разводят мосты...»

Нас разведут, как разводят мосты.
Кони вот так же встают над обрывом.
Черная пропасть и холод по гривам...
О, как надежен запас высоты!

Жилы немеют... Хватило бы воли
Не передернуть поводья узды.
Если и впрямь – как разводят мосты,
Я не смогу и не вынесу боли
Этой разлуки...

«Тайным тленьем охваченный...»

Тайным тленьем охваченный
Затихающий сад.
Солнца мяч перекаченный
Подан в аут, в закат.

На колодезном вороте
Бьет синица крылом.
Жизнь хорошая в городе...
И большак за селом

Перемолотый шинами
Пухнет грязью, ползет.
Кто вывозит машинами,
Кто в тележке везет.

И не больно, не горько мне,
И душа взаперти...
Где ж вы там, за пригорками,
Проливные дожди?

У Понта Аксинского

Ночь тихо входит в сумерки. Углом.
Индийский чай, на удивленье, скверный.
В окне напротив, прямо за таверной,
Торгует грек каким-то барахлом.

Уже темно. Зачем он там торчит?
Навряд ли это что-то кто-то купит,
А впрочем... если здорово уступит...
И грек ключами по столу бренчит.

Я вижу всё. Стекло мешает слуху.
Официант за стойкой (ё-моё!)
Бьет полотенцем муху-цокотуху
И деньги забирает у нее.

И в тот же миг за лентою прямою
Причала, в свете ламп из янтара,
Какой-то швед с надраенной кормою
Трубит и выбирает якоря.

На Литейном мосту

...А потом подступают печаль и бессилье...
Колокольную медью гудит пустота,
И ломается мост, и растут у моста
Крылья...

И такси завизжит, на подвески припав,
Подвергая сомнению формулу Гука,
И водитель в сердцах прохрипит: «вот же, сука...»
И помчит к Володарскому, фары задрал,

Потому что ему нужно только на юг,
Потому что его ожидают на юге,
Потому что «фрегат на крови», как уютюг,
Рвет тяжелую цепь, посинев от натуги.

А Невы простыня собрала в буруны
Черно-белые свитки до края вселенной.
И горластые чайки сливаются с пеной,
Ударяя крылами о гребни волны...

«Тронул звук, не подумав...»

Тронул звук, не подумав...
Не примерив, решил...
Ни крыла, ни котурнов —
Семь натянутых жил.

Неизвестно – откуда,
Сам не знаю – куда.
Непонятное чудо,
Ни добра, ни вреда.

Будоражу округу.
Ни душе, ни уму.
Ни врагу и ни другу,
Ни себе самому.

«Рассвет – и петухи охрипли...»

Рассвет – и петухи охрипли.
Роса – и выгнулась трава.
Глаза соскучились по рифме,
И в строчки строятся слова.
Да будь ты светел, день грядущий,
Да обойдет меня беда,
Да будь удачлив ты, идущий
Куда-то далеко туда...

«Когда-нибудь вернусь. Все возвращаются...»

Когда-нибудь вернусь. Все возвращаются.
Не в этом ли и радость, и печаль.
Даль увлечет, но и обманет даль...

Центр тяжести плывет, перемещается,
И ось болит, и стонут позвонки,
И не принять, и не подать руки...

Скупой ночник. В окно сентябрь стучится.
Стекают капли яда по стеклу,
И время – невидимкою – в углу,
И воздух нежилой сквозь щель сочится
Под колыханье легкое гардин
Уже ненужной вестью запоздалой.
И ни одной звезды, ни самой малой.
Вселенная пуста, и ты – один...

«Удивительно как грустно...»

Удивительно как грустно.
Удивительно как плохо.
Ты ушла, и стало пусто.
Ни улыбки и ни вздоха,
Ни намека, ни укора...
Ночь сошла. Уже светает...
Не хватает разговора,
Щебетанья не хватает.

Вот сижу и вспоминаю.
Дождь стучит в окно.
Не слышу.
Всё решаю и решаю,
А решенья нет.
Не вижу.

Сосна

Закрученная в три узла,
Она над пропастью росла
По сантиметру, осторожно,
И наклонялась всё сильнее...

И песнь скрипучая корней
Была мучительно тревожна.

«Когда согнется полновесный колос...»

Когда согнется полновесный колос
И станет даль прозрачна и светла,
Вдыхая воздух, выдыхаю голос,
И понимаю – кончены дела,

И на закат смотрю по верх стволов,
По вечерам смотрю и на рассвете,
Как журавли – кочующие дети
Большой страны – над златом куполов

То низкие, то зримые едва,
В космическом неразличимом гуле
Уносят сквозь сентябрь те слова,
Что я не мог найти в моем июле.

«Не голубокров, не родовит...»

Не голубокров, не родовит,
Росами умытый и дождями,
Не знаком с богемными вождями,
Но влюбленный в русский алфавит —
Чувствую его и принимаю,
Буковкою каждую дышу,
И слова обычные пишу
Словно прах из бездны вынимаю...

«Трудно рос, трудно жил, не красив, не богат...»

Трудно рос, трудно жил, не красив, не богат,
Я входил в эту жизнь под ружейный раскат.
Ах, как пела душа, слыша эти раскаты!

Почему же теперь, если вижу ружье,
Вспоминаю далекое детство мое —
Неужели убитые в том виноваты?..

К стихам

Сорок лет... Не постарели.
Видно, вы и, впрямь, стихи,
Видно, вы и в самом деле
Не «ха-ха» и не «хи-хи»...

Я носил вас, а, рожая,
Был в поту как злак в росе,
Чтобы колос урожая
Наливая, в полосе

Вы стояли бы прямыми,
Ровными, как на смотру,
И словами золотыми
Шелестели на ветру...

«Мне говорят, что я поэт...»

Мне говорят, что я поэт.
Я этого не понимаю,
Я просто рифмы вынимаю
Из темноты на белый свет.
Потом слова кручу-верчу,
Себя, бездарного, ругаю,
Со строчкой строчку сопрягаю,
И вновь как проклятый молчу.

«Каждый вечер за полчаса...»

Каждый вечер за полчаса
До полуночи в мою келью
Входит тень с головою пса
И ложится у ног на землю.

Не кормлю его, не пою,
Не хвалю его, не ругаю.
Я тетрадь достаю свою
И слова свои сопрягаю.

Но, увы...
Не могу писать...
Рифмы бедные, мысли бренны,
Словно нету моей вселенной,
Где тропу я торил.
До пса.

Больше месяца ходит пес.
Больше месяца строчек нету.
Кто приставил его к поэту?
Проверяется чей донос?

Выполняется чей приказ,
Кто с крамолою сводит счёты?
Не опричнина ль на подходе,

Чтоб избавить страну от нас?

Возле ног он лежит, в углу ли,
Если встану – следит мой шаг,
А клыки у него как пули,
А язык у него как флаг.

К Психее

«Отгоревала, отлюбила?..»

«Нет, нет...»

«Тогда зачем, скажи,

Всё медленнее виражи,

И всё роднее слово «было»?

Скажи, зачем всё меньше боли,

Зачем внимателен к часам,

И – холодок по волосам,

И на висках всё больше соли,

И резче складки возле уст,

И сквозняки прохладней дуют,

Чужая не волнует грусть,

И руки милой не волнуют?

«Шумы, затихнув...»

*И не она от нас зависит,
А мы зависим от неё...*

Н. Рубцов

Шумы, затихнув,
День проводят,
Зажжется свет и из угла
Ко мне, минуя зеркала,
Она, неслышная, приходит,
Ведет меня к столу, и водит
Моей рукою...
И светла,
Как вымытая добела,
Из-под руки моей выходит
Строка...
Я на строку смотрю
Как смотрит с блюда на зарю
Свечной огарок; на пределе
Мерцая еле.

Весна (с улыбкой)

Как нельму в собственном соку
Люблю весеннее «ку-ку»!

Пишу строку и вижу – критик
Уже почувствовал строку.

А я не дам!
А я пишу —
Как вольным воздухом дышу
На берегу родной реки,
Где рыба-нельма плавники
Расправила, ломая льды,
Где струи черные воды,
Вскипая, подняли со дна
Такую муть!..

Идет весна!

И уток шум, и стон гусей
Несут над родиною всей
Протяжное:
– Люблю! Люблю...
Да я и сам о том трублю!

Да я и сам готов уже,
Поймав поток на вираже,
Раскинуть мощные крыла,
Чтоб и меня весна несла
Туда, где голубые мхи
Слагают звонкие стихи!
Ах, тундра!
Ни узды, ни шпор...
Но не представлю тот простор,
Где нет препятствия лучу.
Вот потому и не лечу...

А нельма – в силе и соку! —
Да обойдет блесну!
Ку-ку...

Адюльтер

Мохеровый шарф пахнет медом и снегом.
Морозная норка – осокой речной.
Сквозит подворотня и манит ночлегом,
И тянет в проем зачумленный ночной.

Ступени подъезда темны и грубы.
Куда я бреду, неготовый к расплате!
Улыбка стекает по краю губы,
И чем незаметнее, тем виноватей...

Сожжем же мосты!
И пропаще шагнем
В бездонную тьму, залитую свечами,
Где юная львица, вскипая хвостом,
Как выгнутой сталью сверкает очами.

«Разрежу яблоко и спелое зерно...»

Разрежу яблоко и спелое зерно
На блюде брызнет и запахнет югом...
И вдруг увижу – за окном темно
И холодно как за Полярным кругом.

Прольется ливень в черное стекло,
И голые деревья друг за другом,
Гремя ветвями, выстроятся цугом...
Неужто лето кончилось, прошло?

И то тепло, что запасал с трудом,
Готовясь к ливням и каленой стуже,
Сравнится разве с золотым плодом,
Ножом уже разрезанным к тому же?

«В деревне всё светлее: стекла, лица...»

В деревне всё светлее: стекла, лица...
Теперь у окон невеселый вид.
Вот баба Настя, дедова сестрица,
Вот сам Пахом.
Был очень даровит!
На всё село с закрайками хватало,
И в городе прихватывал порой.
Теперь не тот. Да и невест не стало.
Да и домов...
И черною дырой
Сквозят пустые сени и колодцы.
Крапивы с коноплями – под поветь!
Обжечься можно, можно уколоться,
А можно просто лечь и умереть.

«Повторяется всё, только надо проснуться...»

Повторяется всё, только надо проснуться,
Осознать, что живой и суметь оглянуться,
И припомнить тропу, и обиду, и страсть,
И себя на тропе, перед тем как упасть.

И тогда ты поймёшь, что Вселенная длится!
Повторяется всё – и события, и лица,
И потоки дождей, и кристаллы росы,
И мгновения, что переходят в часы?

Утро, сумерки, ночь.... Ходит вектор по кругу...
Так в июне гоняют косилку по лугу:
Круг за кругом – круги всё ровней и ровней,
И чем лучше стрижет, тем отавы пышней.

Облака

Литой чугуна моста. На этом фоне,
Конечно, лучше ехать в фаэтоне —
Не в «жигулях», тем паче – в «москвиче»,
Где грязь на окнах, словно занавески,
А за дорогой так следят подвески,
Что ты трепещешь, как в параличе.

А потому – пешком. С мечтою бонзы
О фаэтоне, задержусь у бронзы:
Какая тяжесть на литых ногах!
А этот гад? – он враг или опора?
...И купол знаменитого собора
Ликует, отражаясь в облаках,

Кочующих, клубящихся, плывущих,
Несущих тень для бывших, а для сущих
Отвесный дождь. Он в Питере всегда!
И никакой нужды в метеосводке —
Подует с Балтики и, словно в сковородке,
В Неве вскипает черная вода.

Мой город с куполами и Гольфстримом
Однажды назовут четвертым Римом.
Построенный на влаге и песках,
Он гибнет от жары, и воскресает,

Когда над ним волчицей нависает
Седая туча с влагою в сосцах.

... Стоит жара и тяжесть бронзы, право,
Утяжеляет голубей орава,
И, высохший на солнце купорос,
Всем говорит, и мне, конечно, тоже,
Что бронза – прах, но всё равно негоже,
Когда вот так загажен славный росс.

А фаэтон... Я не о фаэтонах,
И не о куполах, не о Горгонах,
Что в чугуне массивном на века
Отлиты и над водами нависли,
А я про облака, что стоят мысли,
Поскольку мысли в чем-то – облака.

«Ветер с севера, тучи – с запада...»

*Из рябин в домах бусы низжуются.
Супротив судьбы тучи движутся.*

Ветер с севера, тучи – с запада,
Так с ума сойти можно запросто.
То ли вышел срок,
То ли шутит бог,
То ль Илья-пророк
Что-то сдвинул вбок.

А над хатами, да над речками
По утрам встает дым колечками.
Над моей избой,
Над твоей трубой,
Над ноздрей-губой —
Сине-голубой.

Журавли кричат – даль баюкают,
Грибники в лесах – эй! – аукают.
Меж берез-дубов,
Меж стволов-гробов
В сентябре грибов,
Как во рту зубов.

Ветер с севера, тучи – с запада...

Заводись мотор мово «запора».

Мы опишем круг,

И поедем, друг,

Через этот луг

На восток ли, юг...

«Государство меня обмануло. Надрало...»

Государство меня обмануло. Надрало.
А ведь я столько лет протрубил у орала!
Я шумел, и кричал, и в чертей матерился...
Слава богу, что не до конца износился.
Слава богу, что в силе еще и соку!

Я бросаю поводья на полном скаку,
И при помощи рук сотворяю тот жест,
За который при Грозном сажали на шест,
В смысле на кол. Да нынче не те времена —
И билеты без блата, и троп до хрена...

Я сижу в своей хате за круглым столом,
Двери плотно закрыты на ключ и на лом,
И с крыльца, на котором и грязь, и темно
На меня государство глядит сквозь окно
С обалдевшим каким-то, бездумным лицом,
Как я пью самогон и хрущу огурцом...

С нежностью

Л.

Когда мне было двадцать два
(Сейчас полста мне. Значит, было.)
Я начал собирать слова
В тетрадь. И ты меня любила.
Не за слова, а просто так.
В ту пору я печатал шаг,
Гордился лычкой, чистил бляху,
И за дверями старшины
Уже примеривал штаны
Гражданские и к ним рубаху.

Когда мне стало тридцать три
(Сейчас полста мне. Было, значит.)
Ты приказала мне – умри,
Но не бросай тетрадь. Иначе...
Тропа у каждого крива,
И если не спасут слова,
То водка не спасет. Тем боле,
Что нынче коммунизм и труд,
Увы, расходятся и тут
Всё понимаешь поневоле.

Настало два по двадцать два

(Сейчас полста мне. То есть, прав я.)

Я выстроил мои слова
В каре и получилось – правда!
Так, скинув лычки, галифе,
Как приняв autodefe,
Я стал на лезвие. Качаясь,
Любви и дружбы не поправ,
Живу, и, если в чем не прав,
То только тем и отличаюсь.

Когда мне стукнет... Но грешно
Определять чужие сроки.
Ведь если кем-то решено
(Как говорят о том пророки),
То должен протрубить святой
Над сушею одной шестой,
Чтобы призвать меня к ответу
Туда, где видно всё до дна,
Где правда, если есть, одна,
А если много, значит, нету.

Так в чем же истина, мой друг?
Не в том ли, что на этом свете,
Мы, совершая этот круг,
Не только за себя в ответе,
Но и за тех... но и за ту,
Кто согревал твою мечту,
Готовил пищу, мыл посуду,
И что мне Высший Судный глас,

Когда печаль прекрасных глаз
За мною следует повсюду.

Финский залив

Раскинув сети, можно ли поймать?
Наверно, можно, если очень нужно...
Ноябрьская сырая благодать.
Не холодно еще, уже не душно.

Пустое небо. Голые стволы.
Баркас рыбацкий, падая в провалы,
Считает сумасшедшие валы,
Размеренно идущие на скалы.

Седьмой... Восьмой... И с головою – ух!
И вновь чухонец переводит дух,
И с силою гребет, и с новой верой
Глазами провожает мощный вал!..

Я это знаю. В том котле бывал.
Дышал соленой пеною и серой.

На Дворцовой площади

Дорогой фотограф!
Милый мой парнишка!
Руки как пантограф!
Под руками – вспышка!

Щелкнет, как застрелит.
Развернет альбомы...
Был бы жив Растрелли,
Он бы стриг купоны!

Под ногами площадь,
Тесаные камни.
Сяду я на лошадь
С круглыми боками.

Подберу уздечку,
Ладно сшит и скроен!
Чуб завит в колечко,
В небо ус настроен!..

Щелк! – и вся работа!
Можно веселиться...
Я смотрю на фото —
Впору застрелиться.

Ворона

Ворона серая, рабочая,
С утра летает меж домов.
Вся сикось-накось скособочена,
И глаз, похоже, не здоров.

А острый клюв, хотя и глянцевого,
Но лапы черные в грязи,
Как туфли Гранцевой-Засранцевой
(Ох, эти клички на Руси!)

Ворону баба гонит палкою,
Попасть в ворону норовит,
И называет птицу галкою,
И принимает страшный вид.

Ворона движется по веточке,
Вращает радужным зрачком,
А у нее на шее ленточка
С каким-то золотым значком.

И ничего не скособочено,
И глаз, конечно, не больной,
Да и трудом не озабочена,
Тем более что выходной.

«О чем, прозаик, ты хлопочешь?...»

О чем, прозаик...
А.С. Пушкин

О чем, прозаик, ты хлопочешь?
Давай мне мысль...
А дать не хочешь,
Я сам возьму.
Смотри – беру!
Теперь гусиному перу
Поправлю жало и... в такси.
А ты, шофер, меня вези
По набережной к той Игле,
Где столп как свечка на столе,
Где собирается народ,
И, криком раздирая рот,
Орет стоящим наверху
С седым каракулем в паху
Такое, что на небе слышно,
В том смысле, полагаю я,
Что нам от власти кроме дышла
Опять не вышло ни чего.

«Разрезанное надвое стеклом...»

Разрезанное надвое стеклом,
Пространство только тем и поражает,
Что встреча двух у входа за углом
Из памяти уже не воскрешает
Ни той тропы, что замело песком,
Ни седины, ни горестной морщины,
Ни той стрелы, ни прочей чертовщины,
Живущей и болящей под соском.

Но радость встречи омрачает грусть
Как признак примиренья и покоя,
И только в глубине зрачков такое,
Что ты хранишь и помнишь наизусть.
Не это ль называется судьбой?
Судьба не вещь, но крылья птицы вещей...
А жилка так же у виска трепещет,
И живчик так же бьется над губой.

Осень кончается вылетом моли...»

*И в овале бады
Видит лицо судьы
Савельевой...*

И. Бродский

Осень кончается вылетом моли.
Если в стране, то число ей – несметно.
Моль, очевидно, не чувствует боли,
Или уверена в том, что бессмертна.

Ей не страшны ни удар, ни объятья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.